

НАШИ • ТАМ

АЛЕКСЕЙ ЗАМКОВОЙ
ЛЕСНОЙ ФРОНТ
БЛАГИМИ
НАМЕРЕНИЯМИ

Лесной фронт

Алексей Замковой

Благими намерениями

«Центрполиграф»

2013

Замковой А. В.

Благими намерениями / А. В. Замковой — «Центрполиграф»,
2013 — (Лесной фронт)

ISBN 978-5-227-04661-1

Получив удар по голове, Алексей потерял сознание. Около недели он провалялся в схроне, куда его спрятали Антон и местные жители. Немцы прочесывали лес в поисках партизан, надо было срочно уходить, и не одним, придется забрать с собой семью фермера, убившего полиция. Боеприпасов ничтожно мало, продовольствия нет, но Алексей убежден, что от немцев надо не прятаться, а нещадно бить их. Он решает сколотить свой отряд и действовать самостоятельно, не дожидаясь разрешений сверху...

ISBN 978-5-227-04661-1

© Замковой А. В., 2013

© Центрполиграф, 2013

Алексей Замковой

Лесной фронт

Благими намерениями

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

* * *

Как болит... Все тело ноет, а про голову – лучше промолчу. Как только я начал приходить в себя и ощущать свое тело, первым желанием было снова провалиться в беспамятство. Темнота... Мягкая, уютная темнота. Без мыслей, без снов, без боли... Но сознание возвращалось и упрямо не желало снова уходить во тьму. Вдобавок ко всему начались «вертолеты». Несмотря на закрытые глаза, ощущение было такое, будто меня засунули в мягко вращающуюся центрифугу. Тут же к горлу подступила тошнота, с которой я боролся лишь пару секунд и проиграл вчистую. Скорчившись в сухой рвотной судороге, я открыл глаза, но темнота никуда не делась – либо вокруг было темно, либо... Либо я ослеп. Впрочем, предполагаемая слепота была наименьшей из проблем, которые меня сейчас интересовали. При первом же движении голову прострелила дикая боль, снова отправившая меня в нокаут. Мое второе возвращение к действительности прошло не легче. Головокружение донимало по-прежнему, но, вспомнив последствия движения при моем прошлом пробуждении, я боролся с тошнотой изо всех сил. На этот раз мне удалось победить. Вокруг было все так же темно. Я лежал, стараясь не шевелиться, и пробовал как-то совладать с болью. Мысли ворочались очень неохотно и болезненно. В голове крутились какие-то их обрывки, и только некоторые удавалось ухватить. Где я? Почему темно? Почему я в таком состоянии? Ответ на последний вопрос проявлялся в голове очень медленно и неохотно. Вспышками в мозгу мелькали кадры воспоминаний. Перенос в прошлое... Убитые немцы на хуторе... Спасенная девушка... Как же ее звали?.. Оля! Встреча с окруженцами... Партизанский отряд капитана Зыклова... Бой на болоте и партизаны майора Трепанова... Подрыв железнодорожного моста... Новое задание... Стрельба на мосту... Собственный крик «Взрыв!» и прыжок в воду... Воспоминания кружились вихрем, постепенно занимая свои места. Мне представлялись мелькающие среди нейронов мозга электрические разряды, подключающие очередной участок. Я чувствовал, как с болезненным щелчком становился на свое место каждый фрагмент пазла памяти!

Более или менее вспомнив события последнего времени, я принялся с опаской исследовать свое физическое состояние. Тело, судя по ощущениям, сплошь покрыто ноющими ссадинами. Я пошевелил пальцами рук, потом – ног. Вроде бы конечности слушаются. Чуть-чуть, на пару миллиметров, сдвинул голову, вызвав очередной разряд боли в затылке. Ясно – голова пострадала больше всего. Это чем же меня приложило? Радовало только то, что на этот раз я не потерял сознания. И голова вроде бы уже не так кружится... Теперь выясним, что со зрением. Стараясь не обращать внимания на боль, я поднес ладонь к глазам – ни хрена не видно. Неужели все же ослеп? Сердце предательски екнуло, дав на мгновение сбой. Я уронил руку и почувствовал, что она во что-то уперлась. Скрипя зубами и стараясь игнорировать ссадины, я принялся шарить вокруг. Руки везде натывались на шершавые доски. Только под собой я обнаружил нечто похожее на сено. Блин, это что за фигня? Меня похоронили заживо, что ли?!! Откуда вокруг эти доски? Результаты исследования показали, что я лежу в каком-то деревянном ящике, около полутора метров высотой и метра два шириной. Длину ящика я определить

не смог – за головой стенка была, но ногами ничего нащупать не удалось. Вроде бы для гроба размеры великоваты... Хотя что я знаю о гробах? Тут же вспомнился момент из фильма «Убить Билла», где героиню похоронили заживо. Меня охватила дикая паника. Из всех имеющихся сил я саданул кулаком по верхним доскам, но от вспышки боли, вызванной резким движением, снова потерял сознание, успев лишь почувствовать, как на мое лицо сыплется земля и еще какой-то мусор.

* * *

– Он жив еще?

В сознание меня привело дуновение сквозняка, мягкой лапкой прошедшее по лицу. Откуда-то справа звучали тихие голоса. Говорили на украинском языке, но акцент был... Примерно такой же, какой я слышал давным-давно, когда приезжал в село к бабушке. Село то находилось на старой границе с Польшей – реке Збруч. И говорили там с таким же «экающим» акцентом, разбавляя в придачу украинский язык множеством польских слов. Я открыл глаза и тут же зажмурился – слабый, но казавшийся после долгого времени, проведенного в темноте, ярче солнца лучик света больно резанул по глазам.

– Дышит, – ответил второй голос, уже на чистом русском языке. – Но еще без сознания.

«Живой я!» – хотел сказать, но вместо слов из горла вырвалось только нечто среднее между хрипом и стоном. Я почувствовал, что горло будто забито сухим песком.

– Стонет! – В голосе послышалось облегчение. – А ну глянь, может, в сознание пришел?

– Во... ды... – кое-как прохрипел я, потратив на одно это слово почти весь свой запас сил.

– Сейчас!

Я почувствовал прикосновение прохладного металла к губам, и в рот потекла струйка воды. Закашлявшись, я прильнул к источнику живительной влаги. По мере того как исчезала сухость в горле, я начал делать все более крупные глотки. Прохладные струйки текли по лицу, щекоча шею и грудь. Банально, но скажу, что не пил ничего вкуснее, чем эта вода!

– Где... я?... – На этот раз удалось произнести слова более разборчиво. Хотя «произнести» – это слишком громко сказано. Даже я сам еле расслышал собственный голос. Но те, к кому был обращен вопрос, все же тоже расслышали.

– На хуторе, – тут же последовал ответ. – Хутор Яновка недалеко от Гощи.

– Почему... темно?..

– Тебя в погребе спрятали. В тайнике.

– Шуцманы партизан ищут, – включился в разговор второй голос. – Как мост взорвали, уже несколько дней все здесь обыскивают.

– А вы... кто? – Постепенно силы возвращались, и голос мой становился все крепче.

– Антон я. Дрыгунов. Помнишь, меня оставили Яна сторожить, когда вы к мосту пошли? А со мной Ежи – брат Яна.

Я вспомнил задержанного в лесу местного. Наверное, он и говорил на украинском языке с польским акцентом. Но, честно говоря, бойца, которого мы оставили его сторожить, я не помнил. Помнил только, что кого-то оставили. В любом случае хоть не немцы. Или все же... Может, это провокация и я у немцев? Воспользуются моим состоянием, представятся своими и вытянут из меня информацию... Нет, слишком сложно и долго обставлять все так, чтоб я ничего не заподозрил. Гораздо проще всю нужную им информацию просто выбить из меня. О методах гестапо я начитался еще в школе из книг о пионерах-героях.

– Когда стрельба началась... – Антон предварил мой следующий вопрос «как я сюда попал?» и сам стал рассказывать о произошедшем: – Я к броду побежал. А Ян за мной увязался. Тут мост рванул. Мы как раз реку переходить начали, я гляжу – плывет что-то. Оказалось,

то тебя течением несло. Вытащили на берег – живой оказался. Только без сознания. Тут Ян говорит, что у него брат неподалеку на хуторе живет и можно тебя у него схоронить пока...

– А остальные? Митрофаныч...

– Не видел остальных. – Голос Антона сразу погрузнел. – Как тебя принесли сюда, я хотел пойти их искать, но немцев вокруг было видимо-невидимо. Все здесь прочесывали. Несколько раз и этот хутор обыскивали. Я сам два дня с тобой в этом схроне прятался. Только вчера рискнул выйти.

– И как же нас не нашли? – удивился я.

– Так я ж хороший схрон сделал! – снова отозвался Ежи. – Как Советы пришли, стали тут колхозы свои ставить, я в погребе нору вырыл, досками прикрыл и хламом всяким засыпал. Прятал тут всякое...

– Что ж ты, – удивился я, – если Советы не любишь, нас спас?

– А потому шо за Советами все же лучше было, чем при немаках, – последовал ответ. – А ихние шуцманы, шоб они все повыздыхали, – бандиты все как один! Советы хоть не все отбирали, а те полицаи клятые и забрали все до нитки, еще и по ребрам надавали...

– Ясно. – Я снова откинулся на сено. – Спасибо тебе, Ежи, что спрятал. И тебе, Антон, спасибо...

В схроне у Ежи я провалялся почти неделю. Приходил в себя медленно. От удара по голове я, видимо, заработал небольшое сотрясение мозга. Голова время от времени начинала кружиться, но уже не так сильно. А на четвертый день я даже смог встать и пройти по погребу. Все это время, лишь ненадолго покидая меня, чтоб подышать воздухом и оглядеться, со мной сидел Антон. Его особенно интересовало произошедшее на мосту. Я рассказал, как мы подходили к цели, как вспыхнула перестрелка, как я подорвал мост... Обсуждая недавние события, мы пришли к выводу, что если немцы так рьяно разыскивали партизан, то кому-то из нашей группы все же удалось уйти. Больше информации не смог нам поведать даже сам хозяин – Ежи каждый день ходил в Гощу, где собирал всякие слухи. Но даже там никто ничего толком не знал. Говорили разное – кто-то утверждал, будто Красная армия высадила здесь десант, кто-то говорил, что советские войска перешли в наступление и к Гоще вышла какая-то передовая часть, а кто-то доказывал, что немцы сами, осознанно или случайно, подорвали мост. Но большинство все же было уверено, что взрыв – дело рук партизан. Тем более что кишевшие вокруг полицаи постоянно этих самых партизан разыскивали. Но даже самые дикие слухи от этого никуда не девались. К самому мосту Ежи пробраться не смог. Немцы, как оказалось, на подходах к мосту устроили усиленные заставы и никого не пропускали. Правда, издали, с берега реки, наш хозяин все же видел, что там полным ходом идут ремонтные работы.

На пятый день нашего добровольно-принудительного заточения в погребе мы с Антоном задались вопросом: что же делать дальше? Идти в назначенное место встречи бесполезно. Когда я пришел в себя настолько, что смог бы хоть медленно, но одолеть путь, было уже поздно. Скорее всего, группа ушла без нас. Пытаться их догнать? Я не мог идти быстро. А даже если б и мог – как их найдешь в лесу? Можно, конечно, пойти в район Сарн, но такой путь я в любом случае не выдержу. В общем, проспоров целый день, мы решили пока что осесть здесь, на хуторе, а когда я окончательно поправлюсь – перебраться в окрестные леса, чтоб не подставляться под удар приютившего нас Ежи. А уже там решим, что делать дальше.

В то же время необходимо было проинспектировать наши запасы. Результат меня совсем не порадовал. Из оружия у нас с Антоном был только его карабин с полусотней патронов и пистолет с запасным магазином плюс еще почти две сотни патронов в автоматных магазинах – у меня. Куда пропал мой автомат – я не помнил. То ли утопил его в реке, когда прыгнул в воду, то ли забыл на мосту... Кроме этого, у Антона сохранилось три гранаты – две «колотушки» и РГД-33. Вот, собственно, и весь наш арсенал. С другими припасами было еще хуже. Почти всю еду, что оставалась, Антон отдал Ежи, семья которого голодала, а остальное мы уже съели.

Ночью шестого дня неожиданно наступил конец нашему вынужденному отдыху. В эту ночь я как раз рискнул впервые выйти на воздух. Ноги немного еще подгибались, но стоял уже более или менее уверенно. Спрятавшись за кустом, росшим у входа в погреб, я дышал свежим, прохладным ночным воздухом и смотрел на звезды. Настроение было приподнятое – я выжил! Однако долго наслаждаться этим чувством мне не дали. Первым делом я услышал тихий стук в дверь стоявшей неподалеку хаты.

– Ежи, ты дома? – Смутно знакомый голос шепотом звал хозяина.

– Кого там бес несет? – А это уже сам Ежи. – Ян? Ты чего ночью...

– Ежи, нам бежать надо! – перебил первый голос, в котором я все же узнал нашего недавнего пленника – брата Ежи, которого мы задержали в лесу. – Бери жену и детей. Времени нет.

– Та шо ж такое? – Хозяин никак не мог понять, почему среди ночи ему надо покидать родной дом и куда-то бежать.

– Потом! Просто поверь!

– Ян, это ты? – шепнул я.

Ойкнул женский голос, а вслед за этим сразу раздался детский плач. Тут же Ян цыкнул на ребенка, и я услышал приближающиеся шаги.

– Не бойся, – прошептал я. – Свои!

– Та знаю, шо свои, – рядом присела темная фигура. – Бежать надо, пан партизан.

– Шо там? – тут появился и хозяин.

– Шуцманы клятые! – принялся рассказывать ночной гость. – Мыкитка – полицай, холуй германский, за самогоном пришел. Обреза достави кричит – наливай, а не то пристрелю. А потом напился, погань такая, та до Галки моей полез! А я его топором по голове...

– Убил? – тут же спросил я.

– Ну да, голову ему раскроил...

– Собирайся, – повернулся я к Ежи. – Даже если Ян этого гада не убил, то все равно мстить будут. И тебе как брату – тоже. Нельзя вам здесь оставаться.

Я поднялся и пошел в погреб, где спал Антон. Уходить следовало всем. Полицай, обнаружив убитого товарища, сразу же начнут искать пропавшего убийцу. И куда они первым делом придут? Не знаю, есть ли у Яна еще здесь родственники, но к Ежи придут обязательно.

– Антон! – Я растолкал спящего. – Уходить надо.

Кратко я объяснил ничего спросонья не понимающему товарищу суть дела, и через пару минут мы, захватив свои нехитрые пожитки, уже были на улице. Мы подошли к дому, где я увидел Яна с семьей – среднего возраста дородная женщина, видимо – жена, девушка лет шестнадцати и еще трое детей, самому младшему из которых было не больше четырех лет. Из вещей у них были с собой только объемистый мешок и здоровенный узел. Вскоре к нам присоединился и Ежи. Только сейчас, несмотря на то что прожил здесь почти неделю, я увидел его семью – жену, ровесницу жены его брата, и двоих сыновей – подростков.

– До ближайшего леса далеко? – сразу перешел я к делу.

– То у Красноселья. Километров десять будет.

– Тогда вперед!

* * *

Наши опасения оказались напрасными – до Красноселья мы дошли спокойно. Погони или еще не было, или она пошла по ложному следу. В любом случае жаловаться было практически не на что. «Практически» – потому, что мое состояние было все еще далеким от идеала. Хотя, как бы тяжело мне ни было, детям дорога далась еще тяжелее. Поэтому мы шли медленно, мучаясь от собственной медлительности и постоянно оглядываясь, нет ли погони. Расслабились только тогда, когда вокруг зашумел лес, укрывший нас от врагов.

Уже светало, когда мы устроились на небольшой полянке, со всех сторон окруженной густым кустарником и завалами бурелома. Здесь нам предстояло дожидаться темноты, перед тем как снова продолжить путь в большие леса. Я сел на землю и обессиленно привалился спиной к дереву. Остальные мои спутники выглядели гораздо бодрее, кроме троих маленьких детей Яна.

– Антон, Ян, Ежи! – позвал я. – Давайте сюда – будем решать, что дальше делать.

Мужчины подошли ко мне и присели рядом.

– Ну что, – продолжил я, – Ян, Ежи, какие планы на будущее?

Братья переглянулись и абсолютно одинаковым жестом почесали затылок, чем вызвали у меня улыбку. В самом деле, представьте себе это зрелище – сидят рядом два мужика, настолько не похожих друг на друга, что никогда сам не догадаешься, что они братья. Ян был низкого роста, но широкий в плечах – почти квадратный. На низкий лоб до самых глаз свисал давно не мытый черный чуб. Глаза у Яна были маленькие, невыразительные и чуть косящие. Зато нос, будто компенсируя размер глаз, поражал своими размерами. Также Ян мог похвастать густыми усами, переходящими в козлиную бородку, смешно выглядящую на широком подбородке. В противоположность ему Ежи был довольно высок – почти на полторы головы выше брата. Волосы у него были немного светлее, аккуратно подстрижены и расчесаны. Взгляд у Ежи был острым, как бритва, и, казалось, пронзал насквозь. Не человек, а рентгеновский аппарат! Остальные черты его лица имели другую, более утонченную форму – узкий польский нос, тонкие, практически не выделяющиеся губы... Только гладко выбритый подбородок был таким же широким, как у брата. В общем, вы поняли причину моего веселья – сидят два брата и одновременно, несмотря на полную внешнюю несхожесть, абсолютно одинаковыми жестами чешут затылки.

– Та не знаю... – наконец протянул Ян. – От немцев ховаться будем...

– Просто прятаться, – уточнил я, – или воевать?

Снова последовала процедура почесывания затылков. На этот раз братья думали гораздо дольше. Ну а мне надо было как-то убедить их в том, что немцев все же надо бить, а не прятаться от них. Ночью, пока мы шли сюда, я успел обдумать наше положение. По всему выходило, что отправляться на поиски ушедшего к Сарнам отряда бессмысленно. Кроме того, что партизан надо еще найти, мне сильно не нравилась мысль о путешествии протяженностью почти двести километров по вражеским тылам. Вдвоем с Антоном, без еды и практически без оружия. А если учесть то, что на ногах я еще держался плохо... Короче, я сильно сомневался в благополучном исходе такого марш-броска. Поэтому для меня самым оптимальным вариантом было бы остаться здесь, в Ровенских лесах, и сколотить свой отряд. Самонадеянно? Может быть. Но зато я смог бы реализовать свои задумки, пришедшие в голову еще до злосчастного выхода на последнее задание, без всяких разрешений сверху.

– Где вы прятаться будете? – Ян и Ежи все молчали, и я решил на них немного надавить. – И самое главное, сколько? На тебе, Ян, убитый полицай. Думаешь, его дружки или хозяева простят тебя? Вас, мужики, будут искать. И рано или поздно найдут. Это один вариант. Как вам такое? Хочется болтаться в петле?

– Не-е-е... – выдохнул Ежи, разом как-то осунувшийся после моих слов, Ян молча смотрел в землю.

– Теперь второй путь. Вы берете в руки оружие и помогаете нам, партизанам, бить эту сволочь. В этом случае я вам долгой жизни тоже не обещаю. Сами понимаете – на войне всякое может случиться. Но вы хоть не будете сидеть под кустами, как зайцы, а сами станете охотниками.

– А баб с детьми куда? – отозвался наконец Ян.

– Есть верные люди на хуторах или еще где, чтоб подальше от других?

– Та есть один. – Это уже Ежи. Судя по тону, его не особо прельщали оба варианта, и сейчас он выбирал меньшее из двух зол. – На дальнем хуторе, в лесу, приятель...

– Вот у него жен и детей спрячете, – перебил я, не давая мужикам опомниться. – Давайте решайте. Бегать неизвестно сколько от немцев или бегать за немцами?

Итог этого разговора был неоднозначным. Стать партизаном согласился только Ян. Не знаю почему, то ли из-за того, что беспредел, творимый полицией, коснулся его лично, то ли еще по какой-то причине... Одно могу сказать – явно не из-за моего «ораторского мастерства». А вот Ежи уперся и ни в какую не соглашался с моим предложением. Он ссылаясь на то, что жене и детям без мужика не прожить, на то, что нас слишком мало, нет оружия и продовольствия. Не помогли никакие уговоры – ни мои, ни присоединившегося ко мне брата. В конце концов я просто махнул на него рукой. Не хочет человек – не погонишь же его насильно немцев бить! Мы решили продолжить путешествие в леса вместе, а потом Ежи со своей семьей и семьей Яна уйдет к тому самому знакомому, у которого можно укрыться. Таким образом, мой будущий отряд пополнился на одного человека.

До вечера мы проспали. Дорога и последующий разговор настолько меня вымотали, что я даже забыл поставить часового, но, когда проснулся, обнаружил, что эту роль добровольно взял на себя Антон.

– Совсем не спал? – спросил я, когда проснулся и обнаружил его бодрствующим. Все остальные еще спали.

– Не хотелось, – пожал он плечами.

В большой лес мы вошли только на вторые сутки. Здесь наши с Ежи пути расходились. Крепко обнявшись с братом и пожав руки нам с Антоном, он отправился куда-то на север. Ну а мы втроем, удобно расположившись на поваленном дереве, принялись обсуждать, что делать дальше. Вначале свои мысли высказал я. Опасаясь, что Антон воспротивится идее действовать самостоятельно и станет требовать пойти на соединение с нашим отрядом, я намеренно сгущал краски, рассуждая о проблемах, с которыми придется столкнуться, если выберем этот путь. К моему удивлению, Антон сразу же согласился с моими доводами. Ян же сидел и молчал – наверное, он пока не считал себя вправе что-то предлагать по таким вопросам.

– Теперь давайте решим, как нам быть с оружием, – предложил я, когда мы определились, что действовать будем самостоятельно. – Ян, что у тебя за обрез?

Ян протянул мне оружие, которое снял с полиция. Это оказался древний «манлихер», видимо, еще с Первой мировой. Вдобавок к нему оказалось всего четыре патрона. Снять с полиция еще и боезапас Ян не догадался.

– Один карабин, пистолет и обрез с четырьмя патронами... – вышло у меня как-то грустно. – Ян, ты же местный, не знаешь, где здесь бои были?

– Та чего ж не знаю? – удивился тот. – У Коросятина были, у Гоши... Только там уже нема ничего. Немцы все пособирали.

Я, конечно, сомневался, что немцы собрали все оружие, но если местный житель так говорит... Кто его знает?

– Лесники... – продолжал тем временем Ян. – Им немцы карабины повыдавали. У них и забрать можно!

– А подробнее? – заинтересовался я. – Что за лесники?

– Так немцы же когда пришли, они старых лесников, почти всех, повыгоняли да своих поставили. Вот тут недалеко живет один. Люди говорят, когда до лесу идут, тот гроши за дрова требует...

– Вот его мы и трянем. Да, Антон?

– Трянем гниду! Заодно и едой разживемся, – кивнул тот.

– Дальше. Надо найти еще бойцов. Втроем мы много не навоюем. Ян, пораскинь мозгами, кто в округе пострадал от немцев и полицаяв. У кого убили кого-то, отобрали все... Ну, ты

сам понимаешь. Подумай, кто больше всех недоволен новой властью и согласится пойти к нам в отряд.

– Так, Семен Зайковец, Костя Рудык... – начал тут же перечислять Ян, но я его перебил:

– Ты хорошо подумай. Нужны надежные люди, которые не сбегут в первом же бою и не продадут. Понимаешь? Хорошенько обдумай и выбери самых надежных. Еще подумай, кто станет с нами просто сотрудничать – информацию передавать, едой делиться и так далее. Вечером расскажешь. Сейчас пару часиков отдохнем, а потом пойдем...

В этот момент я услышал какой-то шорох в кустах и, выхватив пистолет, тут же скатился с древесного ствола, на котором мы сидели, и залег за ним. Чуть запоздав, моему примеру последовал Антон. Остался сидеть только Ян, который только глупо хлопал глазами. Я дернул его за пояс, повалив на землю, и указал в сторону кустов, из-за которых донесся шорох.

– А ну выходи! Стрелять буду!

– Не стреляйте, дядьку! – Из кустов появились два пацана, в которых я с удивлением узнал сыновей Ежи.

– Славко, Казик, вы шо тут делаете? Где батька? – Ян поднялся и подошел к племянникам. Мы последовали его примеру.

– Мы с вами, немаков бить будем, – заявил в ответ тот, который выглядел постарше. – А батька хай сам с бабами сидит!

– В партизаны хотите?

Я вплотную подошел к говорившему.

– Хотим! – подтвердил он, для убедительности несколько раз кивнув.

– Тогда представиться как положено! – рявкнул я, в лучшем стиле киношных сержантов, свирепо уставившись на мальчика. – Вам был задан вопрос. Отвечать!

Ребята аж подпрыгнули от неожиданности. По-моему, подпрыгнул даже Антон.

– Славко Копченко! – вытянувшись по стойке «смирно», отрапортовал старший.

– Казимир Копченко! – одновременно с ним выкрикнул второй.

– Батька пошел дальше до хутора... – продолжал Славко.

– Вас отпустил или сами сбежали? – перебил я его.

Парни покраснели и отвели взгляд. Все ясно. Сбежали, значит...

– Не хотел пускать, – выдавил из себя Казимир. – Та мы сказали, шо не пустит – сами пойдем...

– Ну что, – я повернулся к Яну, – тебе решать, как их дяде. Сколько им лет-то?

– Славку шестнадцатый пошел, а Казику – пятнадцать. – Ян немного подумал и продолжил: – Хотят воевать – хай воюют. То такие шалопаи, шо не возьмем – сами сбегут...

– Считайте, что вы приняты в отряд. – Я снова повернулся к парням. – Только учтите – приказы выполнять без рассуждений. Теперь вы – бойцы Красной армии. И мамки здесь не будет. Все ясно?

– Ясно! – хором ответили Славко и Казик.

– Молодцы. Сейчас отдыхаем, а через пару часов пойдем проведаем лесника.

– А карабины нам дадут? – не удержался от вопроса Славко.

– Дадим, – усмехнувшись, пообещал я. – Добудем оружие и все вам дадим. И винтовки, и гранаты, и танк, если будете себя хорошо вести.

* * *

Дом лесника выглядел настолько древним, что казалось – я попал не в годы Великой Отечественной, а во времена Киевской Руси или еще раньше. Да и домом назвать это было сложно. Низкое строение, площадью не больше десяти квадратных метров, сложенное из почерневших бревен, местами разошедшихся и потрескавшихся. Потолок, судя по торчавшим концам балок,

начинался где-то в двух метрах от земли, а над ним, под крытой дранкой крышей, был небольшой чердак. Избушка Бабы-яги, да и только. Ни забора, ни каких-либо хозяйственных пристроек, если не считать таковой грубую скамеечку у входа в дом, не было. Только тропинка, выходящая из леса и упирающаяся в дверь дома. Впрочем, внешний вид домика меня интересовал постольку-поскольку. Ни покупать, ни продавать эту недвижимость я не собирался – в моих планах было ограбление. Так что можно было порадоваться, что наша цель ни по каким параметрам не походит на банковский сейф. А еще одной причиной для радости было то, что дом оказался пуст – хозяин отсутствовал. Это давало нам возможность устроить перед домом засаду и подкараулить лесника при возвращении домой. Можно, конечно, было бы и ворваться в дом, но «ворваться» – это громко сказано. Чтобы войти, пришлось бы низко пригнуться в дверях, рассчитанных скорее на гнома, чем на человека, а потом – действовать в маленьком помещении... Думаю, понятно, почему такой вариант меня не прельщал. Подждать же хозяина внутри дома тоже не лучший вариант – он вполне мог еще на подходе заметить, что кто-то проник в его жилище. Лучше уж посидеть, а точнее – полежать в кустах, на свежем воздухе, подождать, пока уставший после работы, или чем он там занимается, лесник вернется, и поговорить с ним, имея поддержку в два ствола. Приняв решение, я еще раз осмотрел местность.

– Антон, – я указал на видневшееся над дверью отверстие («входом» его называть язык не поворачивался), ведущее на чердак, – спрячься на чердаке. Лежи тихо, чтоб даже не шевелился. Найдешь какую-нибудь щель и будешь наблюдать. Покажешься, только когда начнем. Огонь без команды не открывать. Понятно?

Антон без слов побежал к дому. Оказавшись под стеной, он мгновение оценивал расстояние, а потом подпрыгнул, подтянулся и оказался наверху. Через пару секунд исчез из виду.

– Ян, – я повернулся ко второму своему бойцу, нервно сжимающему обрез, – ты ложишься вон в тех кустах. Постарайся только так, чтоб лесник тебя не заметил. То же самое – без команды не стрелять.

– Добро. – Ян подошел к указанным кустам и, потоптавшись немного, обошел их с другой стороны. Вскоре раздался шелест и треск веток, а потом все затихло.

Я прошелся по тропинке, ведущей к дому, обращая особое внимание на места, в которых затаились мои спутники. Походил немного вокруг – вроде бы хорошо спрятались. По крайней мере, если не всматриваться в те кусты, где прятался Ян, случайно что-то заметить было сложно. Антона же вообще не было видно – лежит себе на чердаке и смотрит на дорогу сквозь щель в досках.

– А мы? – Славко с Казиком нетерпеливо переминались с ноги на ногу в ожидании приказа.

– Вы прячетесь вон там. – Я указал на заросли кустарника, росшие метрах в двадцати от дома и еле видимые за деревьями. – Лежать, как мыши, и не высовываться!

– Так оно ж далеко... – жалобно протянул Казик, но я не дал ему договорить:

– Боец Казимир Копченко! Вы собираетесь обсуждать приказ командира?

Тот сразу подпрыгнул и испуганно уставился на меня, потом на брата, снова на меня... Я напустил на себя как можно более строгий вид.

– Специально для непонятливых объясняю – мы устраиваем засаду на вооруженного человека. Возможно, он придет не один. Что вы без оружия сделаете? На первый раз прощаю. Но чтоб такого больше не повторялось. Командир приказал, и никаких обсуждений! Поняли?

Пацаны часто закивали.

– Тогда бегом выполнять приказ!

Когда Славко с Казимиром скрылись в кустах, я еще раз прошелся по тропинке и, убедившись, что все в порядке, принялся и себе искать укрытие. По моей задумке, план засады был такой – мы должны расположиться треугольником, на одном углу которого был спрятавшийся на чердаке Антон, на другом – лежащий в кустах Ян, а на третьем – я. Выбирать себе

позицию мне следовало так, чтобы не оказаться на линии огня Антона и Яна. Выбрав подходящий куст, рядом с которым росло толстое дерево, я в последний раз оглядел засаду, вытащил из-за пояса пистолет, проверил его и тоже залег.

Ждать пришлось долго. Все это время меня терзали сомнения в успехе нашей засады. Что, если лесник подойдет не по тропинке, а с другой стороны дома? Но нас ведь только трое, если не считать Славко и Казика, – надежно перекрыть все направления мы никак не сможем. Только одно, самое вероятное. К сомнениям, будто решив доказать мне, что жизнь – не малина, добавились еще и банальные неудобства. Лежать, несмотря на конец августа, было довольно прохладно. Да еще всякая мошкара, комары и прочая насекомая пакость изрядно досаждали. Я с опаской поглядывал в сторону Яна – не надоест ли ему лежать и не выдаст ли он нас неосторожным движением в самый неподходящий момент. Так и пролежали около часа, а может, и дольше.

Лесник появился, только когда начало темнеть. О том, что кто-то приближается, нас оповестил треск ветки под ногой, громко прозвучавший для моего напряженного слуха среди прочих лесных звуков. Я напрягся, снова посмотрев в ту сторону, где лежал Ян. Вроде все в порядке, но мало ли... Через минуту на тропинке послышался шорох шагов, и наконец-то в поле моего зрения попала наша цель. Человек двигался неторопливо, вроде бы даже не смотря по сторонам. Худой, но высокий мужик. Интересно, как он, при таком росте, помещается в том домике? Я ожидал кого-то пониже ростом. Одет в красноармейские галифе, какую-то рваную кожаную куртку и шляпу с полями. А на ногах... Или у меня глюки, или обут он в самые настоящие лапти. Сначала избушка эта, теперь допотопная обувка. Сказка продолжается? Или лесник просто на сапогах экономит? Но разглядывать пришедшего было некогда. В первую очередь мне следовало решить, что делать дальше. Причем решить быстро. Первоначально я собирался просто застрелить его в спину и отобрать оружие, но, увидев этого лапотника, сразу же засомневался. Человек не военный, оружие, которое мы собирались забрать, носит только в силу своей профессии... Что я, изверг какой-то? Может, неплохой мужик, хоть и поставлен немцами. Ну берет деньги за дрова. Кто безгрешен? И что – так сразу стрельнуть его сзади, даже не поговорив? А вдруг еще и полезен чем-то окажется... Приняв решение, я подождал, пока лесник пройдет мимо и удалится от меня на десяток метров. Только после этого быстро, но стараясь не шуметь, вскочил и спрятался за стволом растущего рядом дерева.

– Доброго здоровья! – сказал я, немного выглянув из-за дерева. – Не спеши, разговор есть.

Лесник аж подпрыгнул и, сбрасывая с плеча карабин, быстро развернулся в мою сторону.

– Ты карабин-то положи, – посоветовал я, все еще прячась за деревом. – Мирно поговорим.

– Ты еще кто таков будешь? – Мое предложение положить оружие лесник проигнорировал. – А ну выходи!

– Я-то выйду. Только когда ты карабин аккуратно положишь на землю, – ответил я. – А то ведь не один я. Ребята мои сейчас в тебя целятся. Не дразни ты их! Давай мирно поговорим.

– Выходи, говорю! – Лесник упрямо стоял на своем и продолжал в меня целиться.

Блин, ну что за упрямый человек? Сказал же, что держат его на прицеле. А он кочевряжится. Не выдержат у моих мужиков нервы, да застрелят бедолагу, не спросив, как звали. Я решил рискнуть.

– Если хоть дернется – стреляйте! – Я выкрикнул это скорее для лесника, чем для своих, и вышел из-за дерева, пряча пистолет за спиной.

Тут же с чердака раздался шорох – в отверстие входа высунулся ствол. Практически одновременно с этим зашуршал в кустах Ян, поднимаясь и не отводя от лесника дула своего кастрированного «манлихера». Быстро оценив ситуацию, лесник понял, что я не блефовал, когда

говорил, что его держат на прицеле. Нервно оглянувшись на свой дом, он медленно нагнулся и положил карабин на землю.

– И шо дальше? – спросил лесник, и, хотя он продолжал опасливо стрелять глазами по сторонам, тон его был спокоен. – Кто вы такие?

– Партизаны, – просто ответил я и задал встречный вопрос: – А ты кто такой?

– А то вы не знаете! – Судя по реакции, то, что мы партизаны, не произвело на него никакого впечатления. – Лесник я тутошний.

– Знаем, – кивнул я. – Ты отойди шагов на пять назад. Когда лесник выполнил приказ, я подобрал карабин, проверил его – заряжен.

– Антон, спускайся, – сказал я, вешая трофей за спину. – Ян, ты тоже выходи.

Когда Антон спустился со своей позиции и, подчиняясь моему жесту, отошел в сторону, я указал леснику на скамеечку у входа в дом:

– Присаживайся.

Тот сел и продолжил молча, время от времени поглядывая на остальных, изучать меня настороженным взглядом. Я указал своим ребятам встать по бокам и чуть спереди лесника, шагах в трех от него, и сам занял место в вершине получившегося треугольника, противоположной от меня стороной которого служила стена дома.

– Говорят, ты на немцев работаешь. – Я внимательно следил за реакцией своего собеседника. – Еще и деньги с людей за дрова берешь.

– А шо немцы? – пожал плечами лесник и привалился к стене дома. – Я и до них лесником был. Как пришли ко мне из полиции да сказали, шоб на них работал, – куда мне деваться? Я ж тут годов десять живу. А как выгонят – куда идти? Я и согласился. А деньги и при поляках брали завсегда. Жить на шо-то надо? Видишь вот, обувка какая у меня? Думаешь, от того, шо разбогател сильно? Вам от меня чего надо-то?

– А люди, у которых ты деньги берешь, богатые? – взвился вдруг Антон.

– Антон, помолчи! – оборвал его я, не отрывая взгляда от лесника. – Оружие нам надо. Не лапти же твои.

– Так это пожалуйста, – с легкостью согласился лесник. – Бери уж, раз все одно отобрал. Я еще и патронов отсыплю.

– А еще оружие есть?

Лесник немного помолчал, видимо решая, говорить правду или нет. Но в конце концов обреченно вздохнул и произнес:

– Есть еще двустволка. В хате на стене висит. Токо, я прошу вас, не забирайте ее. Шо ж я за лесник без ружья-то? Да и старая она...

Теперь задумался я. В принципе, лишний ствол не помешал бы. Даже старая двустволка. Но лесник хорошо пошел на контакт, даже если учесть три нацеленных на него ствола. Может, попытаться сагитировать его на свою сторону? И то, что я оставляю ему его ружье, будет дополнительным плюсом в его отношении ко мне. А если не договоримся – не пальнет ли он нам в спину из этой двустволки? Ладно, попробуем...

– Как тебя зовут? – спросил я, пряча пистолет.

– Богдан я.

– А я – Алексей. Скажи-ка, Богдан, как ты к немцам относишься?

– А как к ним относиться? Меня пока не трогают... А если шо – тогда и думать буду. – Лесник пожал плечами.

– Если тронут – уже поздно может быть, – возразил я. – С нами работать не хочешь?

– Это немцев бить? Не-е-е... На это я не пойду.

– А если не бить? – В отряд я его, непроверенного, конечно, брать не собирался, но возникла идея использовать лесника в качестве агента. – Если мы с тобой договоримся так: ты

нас в этом лесу не трогаешь и, если что, предупреждаешь, а мы тебя не трогаем и помогаем при случае, если обидит кто?

– Трогать я вас не буду, – подумав, ответил Богдан. – Больно оно мне надо. А предупреждать – о чем?

– Ну, к примеру, придут к тебе немцы или полицаи и начнут спрашивать, знаешь, мол, где здесь партизаны. А ты им ответишь, что никаких партизан здесь не видел. А потом нам расскажешь об этом. Или если узнаешь что-то, для нас интересное, тоже расскажешь. Идет?

– А мне взамен шо с этого? – Богдан прищурился и почему-то напомнил мне Горбунова – завскладом в отряде майора Трепанова.

И что мне ему ответить? Что я могу предложить леснику, если у самого отряд в пять человек, из которых двое подростков, и на всех – четыре ствола, один из которых – пистолет, а ко второму есть только четыре патрона? Припугнуть? Не вариант. Он, конечно, согласится под угрозой расправы, но положиться на него будет нельзя – сдаст, если не сейчас, то позже. Но в любом случае – сдаст. А если договоримся по-хорошему, не сдаст? Тоже уверенности нет. Мужик он явно жадный. Если предложат хорошую цену... А ее предложат, если отряд нормально развернется. Значит, работать с ним надо будет очень осторожно. Но что же ему предложить?

– Тебе недостаточно того, что мы не станем тебя трогать? – Тщательно подбирая слова, я впился взглядом в глаза Богдана. – Ты же понимаешь, что если будешь нам мешать, то проживешь недолго. А если станешь помогать, то мы будем делиться с тобой трофеями. Еда, деньги, одежда – все зависит от того, насколько ты будешь нам полезен.

Лесник задумался. Или сделал вид, что задумался. Я тоже обдумывал ситуацию. Переговоры явно зашли в тупик. Нет, не в тупик, а просто провалились. Доверять ему было нельзя, и это с каждой секундой становилось все очевиднее. Использовать его можно только раз – прямо сейчас. А потом, оказавшись на свободе, он станет непредсказуемым и слишком опасным для нас. А как его использовать? Есть, в принципе, одна идея... Он ведь хорошо знает лес?

– Ладно, Богдан, – сказал я, приняв решение. – Подумай еще – время есть. А пока давай патроны, что обещал.

Лесник поднялся, и я отступил в сторону. Когда Богдан подошел к двери, я незаметно кивнул Яну, чтоб тот шел за ним. Яна для сопровождения ненадежного лесника выбрал потому, что обрезом в тесном помещении орудовать гораздо удобнее, чем карабином Антона.

– Антон, кликни пока пацанов. – С этими словами я вслед за Яном зашел в дом лесника.

Дом внутри выглядел немногим лучше, чем снаружи. Донельзя простая, я бы даже сказал – спартанская обстановка. Голые деревянные стены, печка, сделанная из железной бочки, грубо сколоченный стол, по бокам две такие же грубые скамьи, одна из которых, стоящая под стеной, использовалась в качестве лежанки. В стены было вбито несколько колышков, на которых висели одежда и та двустволка, о которой говорил Богдан. На общем фоне выделялась только икона, висящая в углу.

Войдя в дом, лесник перекрестился и направился к столу. Я указал Яну на угол возле печки, а сам, снова вытащив и спрятав за спиной пистолет, отошел в другой угол – напротив стола. Богдан стал на колени и залез под лавку. Я напрягся. Мало ли что он оттуда вытащит – может, у него там оружие спрятано. Но лесник вытащил лишь тряпичный узелок. Встав, он молча положил узелок на стол и, посмотрев на меня, без напоминаний отошел в сторону. Я, не убирая пистолет, подошел к столу и развязал узелок – по грязной тряпке раскатились в разные стороны блестящие в неярком свете патроны. На взгляд – около сотни.

– Вот спасибо! – Я улыбнулся Богдану, стараясь, чтобы улыбка вышла естественной. – Слушай, а хочешь, я тебе верну эту винтовку?

– Это как? – удивился лесник. – Ты же сам сказал, шо за оружием пришли...

– Я просто подумал тут – ты же хорошо знаешь лес?

– Ну?

– Бои здесь были? Может, знаешь, где оружием еще разжиться можно? Если найдем достаточно оружия, то твой карабин можем и отдать.

– Есть пара мест. – Лесник сел на лавку и оперся локтем на стол. – Километрах в десяти отсюда Советы на дороге заслон поставили. Там и лежат до сих пор.

– Чего ж ты не похоронил их? – вклинился Ян. – То ж люди лежат! Совесть у тебя есть?

– Дурно мне там, – признался Богдан. – Запах такой, шо и не подойти близко. Я туда шуцманов водил недавно. Немцы им оружие сказали собрать, так они ко мне и пришли – прямо как вы. Когда к тому месту вышли, их от запаха того так скрючило, шо потом цельную ночь их самогонкой отпаивать пришлось.

– А оружие они там не собирали?

– Та де там! – махнул рукой Богдан. – Бежали оттуда, будто черт за ними гнался.

– Значит, покажешь место?

– Отчего же не показать, раз просите? Только поздно уже идти. Завтра утром выйдем.

– Утром так утром, – ответил я и повернулся к Яну: – Позови Антона и пацанов.

Звать, впрочем, никого не пришлось. Антон с ребятами, похоже, подслушивали наш разговор и появились сразу же, как только я попросил Яна их позвать.

– Так, бойцы, – сказал я, когда весь отряд собрался в тесном домике лесника. – Ночуем здесь. Дежури́м по двое. Вначале – мы с Славко, потом Ян с Казиком, потом я с Антоном. Меняемся каждые два часа. Сейчас ужинать, и кто не дежурит – спать.

* * *

Ночь прошла спокойно. Несмотря на опасения, что Богдан попытается если не сбежать, то выкинуть какой-то другой фокус, тот, поужинав и выпив на сон грядущий стакан мутного самогона, завалился на свою лавку и захрапел до утра. На нас он если и обращал внимание, то только как на какое-то недоразумение или временное явление, с которым все равно ничего не сделаешь – само вскоре исчезнет. Я же, в отличие от хозяина дома, практически не спал. После своей вахты попробовал уснуть, но спалось плохо. Я все ждал какой-то пакости от Богдана и часто просыпался, не зная, можно ли полностью положиться на караульных – вдруг заснут на посту. Уже перед рассветом я разбудил Антона и уселся в дальнем от лежанки углу, борясь с зевотой, но радуясь тому, что бесконечная череда провалов в сон и резких пробуждений закончена.

– Командир... – Антон присел рядом. – Не доверяю я этому леснику...

– Позже поговорим, – шепотом оборвал я его. А вдруг хозяин не спит и слушает наш разговор? Нет, нам совсем не нужно, чтобы он что-то заподозрил. Антон все порывался продолжить разговор, но я жестом прервал его и многозначительно кивнул на спящего лесника. Только тогда Антон все понял и замолчал.

Когда стало светать, я, первым делом разбудив остальных членов своего отряда, растолкал лесника:

– Вставай, Богдан. – Осторожно потормошив его за плечо, я быстро отошел назад. – Пора идти.

Лесник сел и непонимающе посмотрел на нас. Через несколько мгновений в его глазах промелькнул огонек узнавания, и он, помотав головой, встал и потянулся. Наскоро позавтракав, мы вышли из дома – впереди Ян с ребятами, потом лесник, а за ним – мы с Антоном. Отойдя от дома, мы пустили Богдана вперед и пошли за ним.

Путь к месту, где, по словам лесника, мы могли разжиться оружием, занял несколько часов. Следуя за Богданом по утреннему лесу, я все думал о том, не обманет ли он нас и не заведет ли в засаду. Хотя не мог же он организовать эту засаду, находясь под постоянным при-

смотрим. Однако вывести нас на отряд немцев или полицаев – это он вполне мог. Но раздобыть оружие было необходимо, и приходилось рисковать. А что делать с лесником после того, как выйдем на место? Отпустить или все же не рисковать? Этот вопрос мучил меня больше всего. Риск, конечно, есть, но и стрелять его особо не за что... Просто для профилактики? Типа «ничего личного – только бизнес»? Я представил себе, как всаживаю Богдану пулю в спину после того, как он станет уже не нужен... Нет, я не отморозок. Если честно выведет нас к оружию – отпущу его. Не знаю, может, я идиот, но стрелять в спину безоружному, не сделавшему мне ничего плохого человеку не буду. А вот если попытается предать, то с чистой совестью можно будет от него избавиться.

– Следи за ним, – шепнул я идущему рядом Антону. – Глаз не спускай. Особенно когда будем собирать оружие. Если что-то заподозришь – стреляй.

То, что Богдан все же ведет нас к обещанному месту боя, а не в засаду, я понял по запаху. По моим прикидкам, идти было еще около километра, а я уже почувствовал пока слабый, но явственный запах разложения. Вскоре мы вышли к небольшой лесной дороге.

– Туда, – махнул вправо рукой Богдан, – еще минут пять ходьбы.

– Так пошли! Чего стоять? – сказал Антон.

– Я ж говорю, шо мне там дурно. – Лесник повернулся ко мне. – Тут уже ком к горлу подступает, а там вообще дышать не могу!

– Ну не оставлять же тебя здесь, – парировал я. – Сам понимаешь, вдруг ты сбежишь и наведешь на нас кого-нибудь. Придется тебе потерпеть.

С горестным вздохом Богдан развернулся и пошел вдоль дороги. Запах все усиливался и в конце концов стал настолько сильным, что я еле сдерживал рвотные позывы. Желудок словно скрутило в тугой узел, выдавливая его содержимое наружу.

– Зря только завтракали... – сдавленно выдохнул Антон, но договорить не успел. Мы вышли за поворот дороги, и нашим глазам открылась картина произошедшего здесь боя. Антон, судя по звукам, все же проиграл схватку с тошнотой. Я тоже, быстро прижав к нижней части лица рукав, чувствовал, что скоро присоединюсь к нему.

На обочине дороги, метрах в десяти от нас, стоял обгоревший немецкий танк. Чуть дальше, на небольшой, изрытой воронками полянке, слева от дороги, виднелся ряд наскоро вырытых ячеек, в которых лежали раздувшиеся трупы бойцов Красной армии. Бойцы лежали и на дороге, и на самой полянке. Всего на первый взгляд – около полусотни тел. Рядом из кустов торчал ствол разбитой сорокапятки. Немецких трупов я не увидел. Что здесь произошло? Еще в будущем, до переноса во времени, я старался по расположению найденных гильз и прочего железа определить примерный ход боя. Кто и откуда наступал, кто оборонялся... Здесь, похоже, отступающими частями Красной армии был оставлен заслон, задачей которого было задержать преследующего их противника. Справились ли они с задачей? Судя по тому, что вокруг были трупы только наших солдат... Впрочем, судя по числу воронок, бой был долгий и бойцы как минимум задержали немцев. Да и урон нанесли, наверное, серьезный – танк вот подбитый. Но все же уничтожить противника заслон не смог – немцы собрали своих убитых и раненых. Поэтому и нет немецких трупов. А почему не собрали оружие? Спешили и оставили это дело на тыловые части или просто не захотели? Вроде бы в начале войны у них был приказ продвигаться как можно быстрее, не отвлекаясь на подобные мелочи. Значит, спешили... Все эти мысли закрутились в моей голове скорее как защитная реакция – чтоб как-то отвлечь внимание от раздутых, пролежавших здесь уже, наверное, месяца полтора трупов. Впрочем, размышления могли прогнать только мысли о вони, но не саму вонь.

Махнув рукой своим спутникам следовать за собой, не в силах сказать ни слова, я отбежал метров на двадцать назад. Когда трупы исчезли из вида, а запах чуть-чуть ослабел, немного отступила и тошнота. Я дождался, пока ко мне присоединятся остальные. Хуже всех выглядели Славко и Казик. Зеленые, со слезами на глазах... Пацанов стало действительно жалко.

– Славко, Казик, – обратился я к ним. – Оставайтесь здесь и будете сторожить Богдана. Славко, держи пистолет. Богдан, извини, но мне придется связать тебе руки, пока не вернемся. Сними-ка ремень.

Лесник встрепенулся и хотел было возразить, но на него уже глядели своими черными, холодными глазками два ствола. Снова вздохнув, он выполнил приказ и протянул мне свой ремень. Хороший, надо сказать, ремень. Кожанный, с большой пряжкой. Как раз то, что надо. Когда-то в детстве мне показывали, как просто и надежно связать руки таким ремнем. Вроде бы этот метод использовался еще с Русско-японской войны. Впрочем, точно о происхождении этого способа я сказать не могу. Связать таким ремнем очень просто – надо сложить противоположный от пряжки конец вдвое и пропустить его через пряжку так, чтобы получилось как бы две петли, одна в другой, а оставшаяся часть ремня торчала из пряжки. Потом эту конструкцию надевают на руки и, потянув за свободный конец, просто затягивают. В итоге выходит, что внешняя петля сдерживает внутреннюю и, если кожа ремня нормальная, освободиться очень проблематично. А для верности можно еще и закрепить свободный конец в пряжке.

– Только сиди спокойно, – предупредил я лесника, закончив его связывать, – ребят не нервируй. И не бойся – мы, как закончим, сразу тебя отпустим. Не обманем. Антон, Ян, пошли.

Мы снова вернулись к месту боя. Не скажу, что впечатление оно произвело менее гнетущее, чем в первый раз. Даже наоборот. Тогда мы смотрели на погибших бойцов с расстояния, а сейчас пришлось подходить к ним вплотную. Вблизи многие тела оказались не только раздутыми, но еще и обгрызенными местным зверьем. Мы собирали все, что находили. То и дело кто-то из нас сгибался в новом приступе рвоты – сухой, потому что все, что можно было из себя извергнуть, уже было извергнуто. Подобранные карабины мы относили к тому месту, где оставили ребят и лесника. Особенно трудно было собирать патроны и гранаты. Приходилось расстегивать подсумки, висящие на ремнях полуразложившихся трупов. Впервые столкнувшись с этим делом, я сказал Антону и Яну собирать боезапас только с тех бойцов, которые лежали на спине – переворачивать лежащих на животе мы были уже не в силах, тем более что при попытке перевернуть бойца одежда на нем расплзалась вместе с плотью.

Так мы промучились почти час. Работа шла медленно, но в конце концов у нас скопилось целая гора оружия – два нагана, почти сорок карабинов Мосина, две СВТ, два ДП и два маузеровских карабина, валявшихся в кустах и, очевидно, не замеченных немцами, когда те забирали своих. Ко всему этому мы собрали много патронов – я их даже не считал. Патроны, в обоймах и россыпью, мы просто сбрасывали в найденный вещмешок и набили его почти полностью. Отдельно сложили четыре диска к ДП, из которых только один был полон. Кроме того, нашей добычей стали почти два десятка гранат – три Ф-1, а остальные – РГД-33. Вдобавок к оружию и боеприпасам мы захватили с собой еще несколько саперных лопаток.

Покончив со сбором валявшегося на земле оружия, присели передохнуть у собравшейся груды. После такой работы дико хотелось курить, хотя бы чтоб отбить запах. Стоит заметить, что все это время, с того момента как я очнулся в погребе Ежи, я, соблюдая уговор с Олей, не курил. А вот сейчас решил нарушить обещание. Самокрутку мне, по моей просьбе, свернул Ян. Вдохнув резкий дымок, немного потеснивший трупную вонь, казалось навечно ввевшуюся в мои легкие, я немного расслабился.

– Ну шо, – подал вдруг голос Богдан, – когда меня развяжешь?

– Потерпи немного, – ответил я и повернулся к Антону с Яном: – Надо в танке посмотреть. Может, что полезное найдем. Пулеметы, там...

Возвращаться на поляну никому не хотелось, но никто не протестовал. Когда мы подошли к танку, я рассмотрел его уже во всех подробностях. Что я могу сказать? Обгоревшая машина, черная от копоти, не была ни «двойкой», ни «тигром». Не специалист я в немецких танках. Да и в наших – тоже. Небольшой, где-то на метр выше меня, казавшийся узким, танк был вооружен какой-то мелкой, не внушающей почтения пушкой, с которой был спарен пуле-

мет. Второй пулемет торчал впереди из корпуса. Возвращались мы, как оказалось, зря. Пулемет, который торчал из корпуса, мы смогли снять с турели. Правда, для этого пришлось покопаться, наверное, минут двадцать, но радовало хоть то, что запах гари вблизи танка, а особенно внутри его практически перебивал вонь гниющих тел. В итоге перед нами на земле лежала здоровенная «дура» неизвестной мне системы. Рифленый ствол с раструбом на конце в квадратном дырчатом кожухе уходил в большую квадратную коробку с пистолетной рукояткой. Что это за зверь, я так и не понял. Единственное, смог определить – в ленте пулемета были обычные патроны 7,92 Маузер. Точнее, когда-то были. Огонь, охвативший весь танк, уничтожил всю боеукладку, в том числе и запас патронов к пулемету. Я вообще удивляюсь, как этот танк не разнесло на мелкие куски после детонации снарядов. Что же касается пулемета, то в искореженной ленте остались только разорванные гильзы. Такие же, как и те, которые устилали ковром все днище танка. Посоветовавшись, мы решили пулемет не брать. А смысл тащить с собой эту бандуру, по прикидке – не меньше двадцати килограммов весом? Еще и без патронов. Кроме того, насколько я понял, даже если бы были патроны, то без станка стрелять из этого пулемета было бы нереально. И это при том, что вообще неизвестно, работает ли он еще после того, как в ленте рвались патроны. Сама лента была вся искорежена. Но и оставлять оружие на дороге не хотелось – мы прикопали его чуть в стороне от дороги и вернулись к леснику и ребятам.

– Ну что, Богдан, – сказал я, подходя к связанному леснику, – ты свое обещание выполнил.

Лесник напрягся. После того как я связал ему руки, он явно не ожидал, что его отпустят. Я ослабил ремень и отдал его хозяину.

– Спасибо тебе за помощь. Можешь идти домой. Антон, – я повернулся к Антону и отдал ему карабин лесника, – проводи его до дома. Там отдашь ему карабин, только сначала разряди, и возвращайся сюда.

– Сделаем. – Антон повесил карабин лесника на плечо и пошел вслед за Богданом, медленно удаляющимся от нас.

Я пошел рядом с Антоном.

– Когда проведешь его, – шепнул я, – и будешь возвращаться, спрячься где-то недалеко от дома. Полежи с полчаса и посмотри, не идет ли он за тобой. Если что – пристрелишь его. Понял?

Антон молча кивнул и уставился на лесника, который как раз оглянулся. При виде меня, шепчущего на ухо Антону, Богдан скривился и как-то сразу поник. Шаги у него стали тяжелые, шаркающие. Думает, что я приказал Антону убить его? В принципе, он прав. Но здесь все зависит от него – если не пойдет за Антоном или не сделает какую-то другую глупость, никто его не тронет. Я, приветливо улыбнувшись, помахал леснику рукой и вернулся к Яну, Славко и Казiku. Надо решить, что делать с найденным оружием.

* * *

Видели бы вы глаза Славко и Казика, когда я выдал им их первое оружие! Ребята так вцепились в карабины, сжали их с такой силой, будто я дал им что-то такое ценное, что даже не описать. И смотрели они на меня так преданно...

– Бойцы, – горящий взор пацанов мне совсем не понравился, – вы глупостей-то не наделайте! Ваша задача как партизан какая?

– Немцев стрелять! – тут же ответил Славко, и его слова эхом повторил Казик.

– Это понятно. Только немцев надо с умом бить. Запомните, ребята, главная задача бойца – выполнить приказ. И по возможности выжить. Понятно? – Пацаны кивнули, а я продолжил: – Погибнуть сможет любой дурак. А вам надо именно выжить. Чтоб потом вы могли выполнить

новый приказ. Так что на рожон не лезть. Не стрелять в первого попавшегося врага, тем более если он силой вас превосходит.

Не знаю, какой эффект произвела моя речь, но я надеюсь, что теперь Славко и Казик не кинутся бездумно в бой. И не погибнут в этом же первом бою. Глаза их все так же сверкали и лица выражали твердую решимость, не предвещавшую врагу ничего хорошего. В любом случае хотя бы первое время надо будет за ними приглядеть.

Светиться на дороге было ни к чему, и мы перетаскивали собранное оружие подальше в лес, а затем я послал Славко и Казика на поиски приметного места, подходящего для того, чтобы спрятать там оружие. Не тащить же нам пятерым всю эту гору железа с собой! Пусть оно лучше полежит в земле, а потом, когда у нас в отряде появятся новые бойцы, выдадим им оружие с этого склада. Примерно через полчаса ребята отыскивали подходящее место – большое дерево, ствол которого раздваивался у самой земли. Вдобавок к этому еще одной «особой приметой», по которой можно будет опознать место, было лежащее рядом еще одно дерево – старое и трухлявое, видимо поваленное когда-то ветром. Мы перетаскивали туда свой арсенал и принялись копать яму, в которой собирались схоронить оружие до лучших времен. Копали глубоко – я рассудил, что лучше сделать глубокую яму и уложить в нее карабины в несколько рядов, чем копать неглубоко, но на большой площади. Так оно незаметнее. Когда яма была готова, я отобрал у Яна его обрез и выдал ему взамен СВТ, отложил в сторону один из пулеметов и все диски, которые собирался отдать Антону. Немного поколебавшись, я взял себе вторую «светку». Причиной моих сомнений служило прочитанное об СВТ когда-то в Интернете. Там говорилось, что наши, в отличие от немцев, которые с удовольствием меняли при возможности свои «маузеры» на СВТ, очень не любили эту винтовку. Несмотря на все преимущества десятизарядного полуавтомата перед «мосинкой», в которой приходилось постоянно передергивать затвор, СВТ нуждалась в гораздо более тщательном уходе и тонкой настройке чего-то, что я уже не помнил. Но все же я махнул рукой на эту проблему и взял винтовку. Остальное оружие, кроме револьверов, мы уложили в яму и засыпали ее землей, выложив сверху предусмотрительно сохраненный дерн. Эх... Если бы найти такое место в будущем, во время своих «покопушек»... Нет, я, конечно, никогда не тащил домой подобное железо – проблемы с законом мне не нужны. Но хотя бы сфоткаться со свежевыкопанным «дегтярем», да на фоне горы «мосинок»... Правда, за десятилетия, проведенные в земле, все деревянные части сгнили бы, а сталь покрылась бы ржавчиной, но все равно фотки вышли бы замечательные! Впрочем, что сейчас об этом думать...

До возвращения Антона, по моим прикидкам, было еще больше трех часов. К тому месту, где мы должны встретиться, я выслал Казика, поручил Славко и Яну почистить пролежавшее долгое время на земле оружие, а сам, с помощью Славко, принялся разбираться с дисками к ДП – чтобы не тратить времени зря, возникла идея их снарядить. Вот здесь, должен вам сказать, я сразу же попал в тупик. Снарядить обычный, «рожковый», магазин легко. Основной принцип каждый знает с детства. А вот с этим диском... Сколько «теплых» слов услышал бы от меня тот Дегтярев, который выдумал эту систему, встретить он мне! Вначале я сидел и с умным видом крутил в руках диск, пытаюсь логически разрешить задачу его снаряжения. Логика подсказала, что либо патроны придется засовывать в окошко, через которое они подаются в пулемет, либо диск надо разобрать. В этот момент я, наверное, сильно напоминал обезьяну, которая тщетно пытается разгадать назначение чего-то, типа микроскопа или другой подобной вещицы. В отличие от той обезьяны, для чего нужен диск, я знал точно, но вот как туда засунуть патроны... На помощь мне, взяв другой диск, пришел Славко. Теперь в лесу сидели две «обезьяны» – результат от этого не изменился. Я решил проверять свои идеи последовательно. Вначале попытался засунуть патрон в окошко, но из этого ничего не получилось. Потом начал искать, как разобрать диск. Тоже безрезультатно. Хотя не совсем безрезультатно. Здесь я заметил, что диск состоит из двух половинок и верхняя половинка с натугой, но враща-

ется относительно нижней. В общем, мучились мы долго, но разгадку все же нашли. Система оказалась абсолютно идиотской. Причем идиотской до такой степени, что удобнее всего снаряжать диск было вдвоем. Надо было отжать подаватель и, удерживая одну половину диска, вращать вторую, при этом закладывая по одному патроны. Чудо техники, что тут скажешь...

Кое-как разобравшись с одним диском, я решил, что пусть с остальными дисками мучается Антон, и подошел к Яну, колдовавшему над своим карабином.

– Ну что, ты подумал, кого в отряд можно еще взять?

– Подумал. – Ян оторвался от карабина и отложил его в сторону. – Человек пятнадцать где-то.

– Надежные люди?

– Поручусь, как за себя! – Он нахмурился и опустил глаза. – Сначала прикинул, больше двадцати человек можно... А потом отобрал только тех, кому полностью доверяю.

– Вот и хорошо, раз уверен. – Я присел рядом и посмотрел Яну в глаза. – Люди из одного села или из разных?

– Та из разных. Василь из Гощи, Степан, Мыкола, Тарас из Воскодавов...

– А поближе к лесу никого нет? – Насколько я помнил, Воскодавы находились километрах в двадцати с чем-то от леса, а в Гощу после подрыва моста лучше вообще пока не соваться.

– Двое из Коросятина есть. А ближе... – Ян задумался, а потом покачал головой. – Только двое.

– Вот что, Ян, – я помолчал, оформляя в голове мысль, – когда дождемся Антона, пойдем к Коросятину. В село пойдешь сам, ночью. Пригласи этих двоих на разговор. Только так, чтобы ни тебя, ни их никто не заметил. Сделаешь?

Антон появился только через два часа. Вначале мы услышали, как кто-то пробирается через лес, и схватились за оружие, но это оказались Антон с Казиком.

– Порядок, – доложил Антон, подойдя ко мне. – Довел до дома, отдал карабин и залег в кустах неподалеку. Он никуда не выходил.

– Ну и хорошо. – И я кивнул ему на пулемет. – Карабин давай сюда, а сам возьмишь вот это и наган.

Дав Антону отдохнуть, мы прикопали отдельно отобранный у него карабин и отправились к Коросятину. До места дошли вечером. Путь по лесу был спокойным, будто и не было вокруг никакой войны. Только оружие у каждого за спиной напоминало о суровой действительности. Я заметил, что все меньше вспоминаю о своей прошлой жизни – о будущем. Как звучит – «вспоминаю о будущем»? Похоже, начинаю вживаться в роль партизана Великой Отечественной войны... Или уже вжился? Нет, знания из будущего, среди которых есть и крохи полезных, никуда не делись. Просто я что-то уже давно не сожалею об оставшихся позади (впереди?) прелестях и комфорте цивилизации. Когда я в последний раз вспоминал, что такое душ, метро, Интернет? Все это выпало из моей жизни, оставив едва заметные следы, будто сказка, услышанная в детстве. Интересно, каким я стану, если еще побуду в этом мире? Физическая форма пришла в норму и – даже больше – улучшилась. Теперь дальние походы по бездорожью не вызывают у меня такой усталости, как в первое время. Психическая форма... Не знаю, может, у меня изначально с планкой что-то не то было – убиваю людей, пусть и в немецкой форме, и не испытываю никаких угрызений совести. Впрочем, лесника я все же не смог убить, хотя сам назвал бы идиотом того, кто поступил бы так, как я... Правду, видимо, говорят – человек может приспособиться ко всему. А я, похоже, прожил здесь уже достаточно долго, чтобы начать приспосабливаться. Или это у меня «приспосабливаемость» такая повышенная? Почувствовав смутную тоску, я мотнул головой, отгоняя непрошеные мысли. Думать потом буду – после войны, если выживу. А то или крыша поедет, или проколюсь в чем-нибудь. Перефразируя древних, скажу: во мной мысли – много печали.

На опушку леса мы вышли глубокой ночью. Впереди, за полями, где-то лаяла собака, светился одинокий огонек – кто-то не спал.

– Ян, до Коросятина отсюда сколько?

– Час идти, – ответил тот, почему-то перейдя на шепот.

– Тогда давай быстро туда. Передашь своим людям, что мы будем ждать их после полудня возле того перекрестка, через который недавно прошли. Запомнил? Передай: если согласятся, пусть скажут, что за дровами или еще за чем-то в лес идут. Все, давай.

Ян исчез в ночной темноте, а мы, распределив дежурства, легли спать. Мое время стоять на посту наступило перед самым рассветом. Антон растолкал меня и, когда я, позевывая, поднялся, лег на мое место. Завистливо поглядев на тут же захрапевшего товарища, я принялся, прогоняя сон, расхаживать из стороны в сторону. Прохладно, однако. Лето почти закончилось, и ночи становятся все холоднее. Кстати, о холодах. Зима этого года, насколько я знаю, будет суровой. Надо бы уже загодя приготовить сани, то бишь место для зимовки. Или на хуторе каком-то остановиться? Нет, хутор – не вариант. Даже сейчас нас слишком много – рано или поздно заметят. Значит, надо организовать лагерь в лесу. А что я знаю о подобных лагерях? Придется копать какие-нибудь землянки, или в чем там партизаны жили. Я продолжал расхаживать, отгоняя холод мыслями о зимних морозах и о том, как их пережить. Да, придется-таки рыть землянки. Заодно получим скрытое убежище на всякий случай. Вон бойцы УПА в своих «крыивках» аж до середины пятидесятых прятались, хотя искали их очень серьезно. Неплохо бы и нам что-то подобное сделать. Ладно, оставим этот вопрос на будущее. До зимы еще дожить надо.

Вернулся Ян, когда уже совсем рассвело. Увидев его еще издалека, я разбудил остальных.

– Ну как? – спросил я, когда Ян вошел в лес.

– Придут, – обрадовал нас известием Ян. – Я не говорил про партизан, да они сами догадались.

– Это как они догадались? – переспросил Антон.

– Так полицаи всем рассказали, шо меня ищут!

– Точно люди надежные? – забеспокоился я. – Полицаям не сдадут?

Ян только покачал головой – видимо, устал уже уверять меня в надежности своих знакомых.

– Ладно. Тогда идем к перекрестку.

У перекрестка я оставил только Казика, приказав тому залечь в кустах и не высовываться, пока не появятся те, кого пригласил Ян. Казик должен был, убедившись, что нет никакой опасности, проводить пришедших к остальным. Сами же мы отошли поглубже в лес. Ян улегся спать – отдохнуть ему этой ночью, в отличие от нас, так и не пришлось. А мы с Антоном уселись поудобнее и перекусили остатками еды, которую захватили с собой, когда бежали с хутора.

– Что дальше делать будем? – спросил Антон, медленно пережевывая остатки хлеба.

– Что делать? – не понял я. – Воевать будем.

– Я имею в виду, – Антон опрокинул в рот остатки крошек с ладони, – как воевать?

Да, действительно. Я только сейчас понял, что плана у меня, собственно, нет... Как-то не подумал я, чем именно мы займемся. Связи с большой землей у нас нет – значит, разведанные собирать пока нет смысла. Следовательно, основной упор придется делать на уничтожение противника. С этим тоже не все гладко. Взрывчатки у нас нет, и большие засады мы организовывать не сможем. Зато есть куча стрелкового оружия и немного гранат. Получается, что пока в наших силах лишь налеты на слабо охраняемые объекты, одинокие машины и небольшие группы полицаев и немцев. Сколько соберем в отряд людей – это и определит, насколько небольшие группы нам по силам. Что еще? Надо будет еще устроить всем экзамен по стрельбе – вдруг найдется кто-то достаточно меткий для снайперской работы. Тогда можно будет реализовать мои старые задумки по отстрелу офицеров. Еще надо будет выяснить у мест-

ных по поводу минных полей – там разживемся взрывчаткой и сможем развернуться уже более широко. Вплоть до диверсий на железной дороге. Дальше что? Ближайший крупный город – Ровно. Что там у немцев – хрен его знает. Мои знания из будущего по этой местности практически равны нулю. Не интересовался я Ровно! Надо будет кого-то послать в город и разузнать, что да как. Может, попытаться на подполье выйти? А есть ли в Ровно подполье? Тоже выясним...

– Как воевать, говоришь? – Все то время, пока я думал, Антон тоже молчал. – Для начала соберем отряд, а там – посмотрим. Пока с тем, что у нас есть, мы много не навоюем...

* * *

Полдень давно прошел, но гости все не появлялись. Настроение стремительно падало – я стал предполагать худшее. Может, они и не придут? Или что-то случилось? А вдруг кто-то оказался не настолько надежен, как предполагал Ян? Нет, в этом случае нас бы уже окружали. Почему же они не идут? Когда я уже совсем извелся, в сопровождении Казика появились двое. Один из пришедших, здоровенный крепкий мужик с широким, заросшим седой щетиной лицом, оглядел нашу компанию и, мне показалось, будто сразу как-то сник. Он глянул на второго, который был ростом пониже, но тоже внушительного вида, и снова посмотрел на нас. Навстречу им тут же поднялся Ян.

– А мы уже думали, не придете. – Он крепко пожал руки каждому и повернулся ко мне: – Наш командир – Алексей, а это – Антон. Славка и Казика вы знаете. А это – Тарас Бжынский и Костя Гарченко.

Мы с Антоном пожали руки Тарасу и Косте. Я чувствовал себя как-то неуютно – Тарас, который покрупнее, услышав, что я и есть командир отряда, не отрывал от меня взгляда, будто обмеривая и взвешивая. Что творилось у него в голове, не знаю, но, судя по выражению его лица, я не произвел впечатления.

– Вы, наверное, догадываетесь, зачем Ян вас сюда пригласил? – спросил я после того, как обмен приветствиями закончился.

– То вы и есть партизаны? – вопросом на вопрос ответил Тарас.

Я уперся взглядом ему в лицо. С этим товарищем, похоже, надо пожестче – не дать ему почувствовать слабость. Видно же, что как командира он меня не воспринимает ни в каком виде. Во как смотрит – твердо, изучающе, прямо в глаза. Еще чуть-чуть – и начнет кривиться, будто лимон жует.

– Да, мы – партизаны, – твердо сказал я, не отрывая взгляда от глаз Тараса. – Ян говорил, что каждому из вас есть за что не любить немцев. Это правда?

– Правда. – Тарас молчал и ответил за обоих Костя. – У меня два сына в Красной армии. Младшего, Андрюшку, убили подо Львовом, а старший, Сашка, вообще неизвестно где. Как немцы пришли – никаких вестей от него не получал.

– А ты? – Я кивнул Косте и обратился к Тарасу.

– Сына застрелили, – после паузы, во время которой продолжалась борьба взглядов, наконец-то ответил Тарас. – Я на заработках в Ровно был, а на поле винтовку подобрал и у сарае спрятал. А потом в полиция стрельнул.

– Да, мужики... – Я сел под деревом и жестом пригласил присаживаться остальных. – Любить немцев вам действительно не за что. Так вот, я собираю сейчас партизанский отряд, и мне нужны люди. Пойдете ко мне?

Гости тоже сели на землю. Костя задумался, поглядывая то на меня, то на Яна, а Тарас принялся скручивать самокрутку. При виде табака жутко захотелось курить и мне. Но просить угостить и меня табачком я не стал – что это за командир, который вербует бойцов и сам же у них попрошайничает?

– А кто ты такой, щоб мы шли под твою команду? – Тарас лишь на мгновение опередил с ответом Костю. Тот уже открыл было рот, чтобы ответить, но после вопроса Тараса промолчал и вопросительно уставился на меня.

– Я? – Судя по поведению Тараса, такого вопроса следовало ожидать, но он все же заставил меня растеряться. – Найденов Алексей. Боец Красной армии, который оказался в тылу противника. За последние полтора месяца воевал в двух партизанских отрядах. Командовал группой подрывников. Мост у Гощи, который взорвали, – моя работа.

Говорил я сухо, отрывистыми фразами, будто читал автобиографию на каком-то собрании. Каждое слово я старался вбить в собеседников. При этом не должно было казаться, что я хвастаю, – все должно выглядеть простым перечислением фактов. Я не набиваю себе цену, а просто излагаю факты из своей партизанской жизни.

– Мост, говоришь? – Тарас криво усмехнулся и покачал головой. – Так там поубивали всех, кто его взорвал...

– Не всех. – Это уже вклинился Ян. – Иисусом клянусь, сам там был. Алексей правду говорит – он взрывал.

Ян рассказал свою историю. Как пошел в лес и был схвачен партизанами, как мы ушли к мосту и вскоре тот взлетел на воздух, о том, как они с Антоном выловили меня из реки и спрятали в погребке у его брата – Ежи. И о том, как он убил полиция и сбежал вместе с нами в лес. Тарас и Костя внимательно слушали этот рассказ, а я все это время внимательно наблюдал за ними. Какое впечатление произведут слова Яна? Тарас, судя по всему, избытком доверия не страдает, и то, что рассказываю не я, а его знакомый – Ян, мне только на пользу. Мне он мог не поверить. Сомневаться же в словах Яна, которого, похоже, знал давно, у него не было причин. Когда рассказ о подрыве моста закончился, повисла тишина. Наши гости обдумывали сказанное, а мы ждали их реакции.

– Сколько вас? Пятеро? Один ранен, а двое – дети. Шо вы навоюете? – Тарас уже не смотрел на меня так недоверчиво, но скепсис по поводу моей персоны сменился скепсисом в отношении отряда в целом.

– Сейчас – да, – спокойно ответил я. – Поэтому мы и набираем людей. И с каждым новым человеком отряд будет становиться сильнее. Оружие у нас есть – нужны только надежные люди, которым это оружие можно дать.

– Даже если вас будет пятьсот, – снова вступил в разговор Костя, – что вы сделаете с такой ордой, как немецкая армия? Их тысячи и сотни тысяч! У них танки, самолеты...

– А твой сын, – перебил я его, – что делает? Воюет! И нас не пятеро. Нас миллионы – весь народ, за исключением горстки предателей! Поймите, мужики, сейчас всем вместе надо за немцев взяться. Вот твой, Костя, сын погиб, сражаясь против немцев. Второй сын и сейчас воюет. Каждый убитый нами немец – это минус один враг, с которым ему придется столкнуться на поле боя. Убивая врагов здесь, мы облегчаем работу ему. Понимаешь? И ты, Тарас, не хочешь отомстить за сына? И за своего, и за погибшего сына Кости, и за сотни других сыновей, погибших уже на войне?

Снова молчание. Тарас на этот раз молчит уже не недоверчиво, а сконфуженно. Костя тоже задумался. Глаза его повлажнели – видимо, вспоминает погибшего сына.

– Правильно говоришь, – в конце концов кивнул Тарас. – Но у меня еще три дочки дома. На кого я их оставляю? А сгину – как они будут? И у Кости еще двое малых. Случится с нами шо – с голоду ж помрут!

В этот момент я понял, что переговоры можно заканчивать. Тарас говорил с грустью в голосе, а на лице Кости отразилась мука – если до упоминания об оставшихся детях он склонялся на нашу сторону, то теперь его охватил страх подвергнуть их опасности. Но самое главное – я видел, что они нам не верят. Точнее, даже не так – они не верят в нас! Я будто снова услышал слова Тараса: «Пятеро! Один из вас ранен, а двое – дети...» И вторящий ему голос

Кости: «Их тысячи и сотни тысяч! У них танки, самолеты...» Они сочувствуют нам, понял я, но считают нашу затею безнадежной. Как тысячи лет сочувствовали люди тем трем сотням спартанцев и восхищались их подвигом, но очень немногие захотели бы присоединиться к ним. Так и эти двое. Костя вроде бы и склонялся в мою сторону, но упоминание о детях заставило его по-новому взглянуть на ситуацию. Нет, он полностью поддерживает меня в том, что немцев надо бить, но семья перевешивает. Тарас же просто-напросто не верит в успех нашей затеи. Провал... Почему у меня нет никого, кто мог бы «глаголом жечь сердца людей»? Хоть бы какого-то политрука, специально обученного толкать речи и лозунги.

– Нет, Алексей, – покачал головой Костя, – не могу я в партизаны...

– Та и вы подумайте, – поддержал его Тарас, – может, схоронитесь где-то на хуторе...

– Ладно, – махнул я рукой, – в отряд к нам, как я понял, вы не пойдете?

Тарас и Костик почти синхронно кивнули.

– Тогда расскажите нам, что интересного вокруг есть? Где сколько немцев, полицаев, какие у них здесь предприятия есть поблизости?

Вот в этом они мне пошли навстречу с радостью. Костя, пристыженно было умолкнувший, воспрянул и с готовностью принялся пересказывать все окрестные слухи. Не отставал от него и Тарас, хоть и не веривший в нашу удачу, но тоже желающий хоть чем-то помочь. Оказалось, что взорванный мной мост все еще восстанавливают. Причем, судя по словам Тараса, работают там исключительно немцы – видимо, не надеясь на качество работы местных или военнопленных, это дело поручили немецким инженерным частям. Материалы для нового моста везут с ближайших лесопилок – об этом сказал уже Костя. С каких именно лесопилок, он точно не знал, но заметил, что последнюю неделю транспорт чуть ли не круглосуточно идет в сторону шоссе от лесопилки около Красноселья.

Что касается сил противника в этом районе, то о ситуации можно было судить только по косвенным намекам. Костя после начала войны практически не бывал нигде, кроме ближайших сел. Тарас, кроме тех же сел, был еще и в Гоще на заработках, но после того, как убили его сына, Коросятин почти не покидал. Если говорить в общих чертах, то немцы, как только оккупировали эту местность, поставили в каждом селе своего старосту и сформировали из местного отребья шуцполицию. И если староста был в каждом селе, то полицаи поначалу квартировали только в крупнейших селах, наведываясь в остальные, только когда того требовала служба. Сейчас же, после взрыва моста, шуцманы появились в каждом селе. В Коросятине, например, их было пятнадцать человек. Где стояли немцы, кроме Гощи, никто не знал. Не знаю, как кого, а меня это даже обрадовало – устраивать диверсии неподалеку от пусть тыловых, но все же регулярных частей вермахта или тем паче – охранных частей СС с нашими силами было бы самоубийством.

Еще одним моментом, который меня заинтересовал, был разговор между полициями, подслушанный Тарасом. Этот разговор он услышал три дня назад, когда полицаи принялись в очередной раз реквизировать, а если попросту – отбирать у крестьян продовольствие для нужд немецкой армии. Так вот, Тарас краем уха услышал, как, идя по улице, один из полицаев жаловался другому, что до темноты они уже никак не успевают добраться до Антополя. По словам того полицай, если они вовремя не сдадут продовольствие, то какой-то комендант устроит им хорошую взбучку. Почему полицай так спешил именно туда? Я спросил у Яна, где находится Антополь, и тот ответил, что это небольшое село, расположенное на шоссе прямо посередине между Гощей и Ровно. Для себя я решил обязательно проверить этот Антополь. У меня возникли сильные подозрения, что именно там находится пункт, на который свозится награбленное со всех ближайших сел, а потом по шоссе отправляется в Ровно, откуда уже распределяется. Логично? Вроде бы да.

И напоследок, в качестве бонуса, мне удалось узнать, что западнее Коросятины находилось еще одно минное поле, поставленное Красной армией на перекрестке тракта Коросятин –

Дроздово. Это могло помочь нам разрешить проблему со взрывчаткой, и я решил навеститься туда в первую очередь.

Был уже вечер, когда мы тепло распрощались с Костей и Тарасом. За время разговора вся напряженность, которая возникла после их отказа присоединиться к отряду, исчезла. Даже Тарас уже не пытался прожечь меня взглядом, а разговаривал как со старым знакомым. Ну что же, если не хотят воевать – не погонишь же их из-под палки. Они и так помогли, поведав много полезной информации и, сами не зная того, наметив мне фронт работ на ближайшее время. Мы договорились поддерживать связь и в дальнейшем – Тарас и Костя должны были держать ухо востро и передавать нам все слухи, которые могли бы нас заинтересовать, когда мы наведемся. А мы пообещали мужикам предоставить убежище в нашем отряде, если такое потребуется в будущем. На этой ноте и расстались – Казик повел Тараса и Костю обратно к дороге, а мы стояли и смотрели им вслед.

Однако, когда я повернулся к Антону и Яну, заметил, что результаты переговоров понравились им гораздо меньше, чем мне. Ян стоял с понуро опущенной головой, а Антон, за все это время не сказавший ни слова, нервно сжимал и разжимал кулаки.

– Труссы! – вдруг прошипел он, а Ян, услышав это, еще сильнее вжал голову в плечи.

– Понимаешь, Антон, – я внимательно посмотрел ему в глаза, – они ведь правы. Нас всего пятеро. Вдобавок из этих пятерых двое – дети. Чтоб люди к нам потянулись, мы должны сначала показать, чего стоим. Они должны увидеть, что мы – это сила, к которой не страшно присоединиться. Не в трусости дело, а в том, что они просто не хотят погибать впустую.

Я замолчал, давая своим словам усвоиться в голове Антона и Яна. Увидев, что Антон собирается что-то сказать, я тут же продолжил:

– Спасибо, Ян. Хороших людей привел. – При этих словах Ян, не ожидавший похвалы, удивленно взглянул на меня и будто даже стал выше ростом. – Много интересного они рассказали. Вот увидите, когда провернем несколько дел, тогда люди сами пойдут к нам. Имя, мужики! Мы должны заработать себе имя!

Антон не был полностью со мной согласен, но понимал, что в моих словах что-то есть. Поэтому он промолчал и просто кивнул. Как раз появился Казик и доложил, что Тарас с Костей ушли в свое село. Я оглядел свой отряд.

– Ждем до ночи, а как стемнеет – проведем-ка лесопилку у Красноселья.

* * *

Оставив позади служивший нам надежным укрытием лес, мы бодро бежали к Красноселью. Путь наш лежал параллельно небольшой грунтовке – мы двигались метров на двадцать слева от нее, а справа светились несколько огоньков в окнах Коросятина. Небо было затянуто облаками, и лишь редкий отблеск лунного света, пробивающийся в сквозь бреши в них, освещал нам дорогу, а заодно – и нас самих, если где-то поблизости найдется наблюдатель. Так мы пробежали около пяти километров и вышли к тракту. Слева и справа от нас темнели в слабом ночном свете два хутора, находившиеся на расстоянии около километра друг от друга. На одном из них – том, который справа, – залаяла собака. Через минуту к ней присоединилась другая – с левого хутора. Мы замедлили шаг и до самого тракта шли низко пригнувшись. Дорога оказалась пуста. Насколько мы могли видеть – ни одного огонька или тени, свидетельствующих о чем-то приближении. Ни одного звука, кроме заливистого собачьего лая с хуторов. Пять теней быстро перебежали через дорогу и вскоре скрылись в лесу, находившемся в полукилометре от нее.

– Ян, идешь первым, – прошептал я. – Мы пойдем шагах в двадцати за тобой.

Ян осторожно, тщательно ощупывая ногой землю перед собой, пошел вперед. Откуда у него такие навыки бесшумной ходьбы по лесу? Охотой увлекался в мирное время? Или, если

учесть, что в панской Польше все эти земли, скорее всего, кому-то принадлежали, браконьерничал? Я подождал, пока Ян отойдет на положенное расстояние, и дал знак остальным продолжать движение. Наверное, я в своем времени пересмотрел всяких боевиков. А мои спутники их не смотрели. А может быть, всему виной была темнота ночного леса... В общем, мой знак не произвел никакого впечатления. Или его никто не заметил, или попросту не понял.

– Блин, вперед! – прошептал я, злясь непонятно на кого. Скорее всего – на себя.

Лесопилку не пришлось искать долго. Во-первых, она находилась менее чем в километре от кромки леса, а во-вторых, к ней от тракта вела хорошо накатанная дорога, вдоль которой мы двигались. Поэтому вскоре мы уже лежали в кустах и наблюдали за своей целью. Лесопилка состояла из небольшого домика, в окне которого, расположенном слева от двери, горел свет и мелькали тени. Из этого домика до нас доносился смех и приглушенный гомон, разобрать который из-за расстояния не получилось. Рядом с домиком, метрах в десяти от него, стоял большой навес, под которым темнели силуэты оборудования – видимо, здесь и обрабатывали лес. Чуть в стороне, у самого въезда на лесопилку, стоял другой навес – побольше, чем первый. Под этим навесом я не заметил ничего и его предназначения не понял. Больше с нашей позиции ничего не было видно. Уже оценив умение Яна бесшумно передвигаться по лесу, я послал его обойти вокруг лесопилки.

– Посмотри, что с другой стороны, – прошептал я ему. – К дому не подходи. Просто обойди вокруг по лесу.

Ян тихо исчез в лесу, а я вернулся к наблюдению. Чувство было двоякое. С одной стороны, настораживало отсутствие охраны на таком важном объекте, особенно если действительно отсюда поставлялись материалы для ремонта моста. А с другой – свет и шум в домике наводил на мысли, что охрана есть, но в данный момент бурно пьянствует вместо того, чтобы выполнять свои непосредственные обязанности. Посмотрим еще раз. Домик – ничего не изменилось. Первый навес – кроме оборудования, ничего не заметно. Второй навес – вообще пусто. Стоп! А вот из домика кто-то вышел. В луче света, упавшем из открытой двери, покачиваясь, стоял крупный мужик. Сапоги, красноармейские штаны, какая-то черная куртка... Мужик отошел от двери и повернулся лицом к дому. Когда он уже выходил из освещенного пространства, я заметил, что на его левом рукаве, чуть выше локтя, что-то белеет. Нарукавная повязка? Стало быть, охраняют лесопилку полицаи. Потому и охраняют так... Никак не охраняют, в общем. Были бы немцы – была бы хоть какая-то охрана. Хотя немцы оказались тоже далеки от моих сформированных в будущем представлений об «орднунге». Те гансы, с которыми я уже имел дело, службу несли не слишком рьяно. Особенно если за ними не присматривал офицер. Ну а эта шантрапа полицейская вообще, похоже, забила на все. Тем лучше для нас.

Вернулся Ян, подойдя со стороны, обратной той, в которой исчез.

– За домом еще сарай есть, – шепотом доложил он, залегши рядом. – Там шуцман стоит. Знаю его – то Сенька Кырпатый из Красноселья. До войны – босяк босяком был, а как немцы пришли, сразу до них побежал. Еще я в хату глянул через окно – там восьмеро шуцманов и немец. Шуцманы пьют, а немец уже под столом.

– Я же просил только вокруг обойти! – так же шепотом ответил я. – Ладно, молодец. Только в следующий раз давай без самостоятельности.

Не дожидаясь ответа, я повернулся к остальным:

– Антон, ляжешь с пулеметом вот в тех кустах. – Я показал на густой куст, росший у самого края поляны, на которой находилась лесопилка. – Берешь на прицел дверь, и если нашумим – не давай никому выйти. Ян, с других сторон окна есть?

– На правой стене одно, – ответил тот. – Я через него в хату заглядывал.

– Славко, ты берешь на себя то окно. Если кто-то будет лезть через него – стреляй.

Пацан дернулся было в указанную им сторону, но я ухватил его за рукав.

– Если на шумишь раньше, – прошипел я, стараясь говорить как можно более грозно, – пристрелю собственными руками!

Отпустив Славко, я понаблюдал, как его силуэт растворяется в ночи, и повернулся к Казику:

– Свистеть громко умеешь?

– Умею! – кивнул он. – А зачем?

– Пойдешь обратно, как шли, и спрячешься. Следи за дорогой. Если увидишь, что кто-то едет в лес – ты понял? В лес сворачивает, а не мимо леса едет! – свисти так громко, как только сможешь, и беги. Если нас не найдешь, встречаемся там, где вчера с Тарасом и Костей сидели.

– Пан командир, – заканючил Казик, – ну чего мне не немцев бить, а в кустах снова сидеть?..

– Во-первых, не «пан», а «товарищ»! – прошипел я. – Во-вторых, ты опять будешь обсуждать приказ? Или ты уже командир?..

Казика сразу и след простыл – растворился в лесу так быстро, будто его и не было. Только и успел испуганно ойкнуть. Да-а-а... Надо будет с обоими пацанами серьезно поговорить насчет дисциплины... Я повернулся к Яну:

– Пойдем посмотрим на твоего знакомого...

Мы быстро обошли вокруг лесопилки и засели за деревьями с обратной стороны дома. В свете луны я увидел тот сарайчик – небольшое дощатое строение, всего около полутора метров высотой и метров пять шириной – и охраняющего его часового. Полицай самым бессовестным образом спал. Просто сидел, привалившись спиной к стенке сарая, и спал. Даже оружия нигде не было видно. Они что, безоружного охранять поставили? И что вообще он здесь охраняет? Сарай, что ли? Или он должен ходить по периметру, но решил просто спрятаться подальше от глаз веселящихся товарищей и поспать? Я посмотрел на Яна. Доверить ему снять часового или сделать это самому? Работать надо тихо, ножом. Сможет ли он тихо зарезать спящего? И сможет ли вообще его зарезать? В бою ведь Яна еще вообще не проверяли... Поразмыслив, я решил заняться этим делом сам. А смогу ли я сам зарезать полицая? Блин, надо было на это дело Антона брать. Но ведь не переиграешь уже... Не вернешься обратно и не скажешь: мол, Антон, идем прирежем часового, а то я не уверен, что сам смогу... Да и пулемет гораздо важнее напротив дверей, а не здесь, у глухой стены непонятного сарайчика. А может, вдвоем с Яном пойти? Нет, вдвоем и шума в два раза больше. И неудобно как-то перед самим Яном показывать свою некомпетентность...

– Ян, остаешься здесь, – еле слышно шепнул я и, оставив на попечение товарища свою СВТ, пополз к часовому.

Когда я выполз из-за укрывающих меня деревьев, спина вся покрылась холодным потом. Руки почему-то начали дрожать – особенно правая, в которой я сжимал маузеровский штык-нож. Все время казалось, что полицай вот-вот откроет глаза и сразу же заорет. Вот он пошевелился. Я замер, стараясь стать плоским и максимально вдавить свое тело в утопанную землю. Нет, это он во сне пошевелился... Сопит себе спокойно. Я снова пополз дальше. Осталось каких-то три метра. Я присел на корточки и продолжил приближаться к своей жертве гусиным шагом, который жутко не любил в школе, на уроках физкультуры. Два метра... Полицай громко всхрипнул и мотнул головой. До меня донесся запах перегара. Пьяный! Это хорошо... Надеюсь – вусмерть пьяный. Кстати, а вот и оружие – карабин просто валяется рядом на земле, потому мы его и не заметили. Я подошел к полицая вплотную и замер. Куда бить? Мгновения неслись с бешеной скоростью, а вслед за ними – водоворот мыслей. Я переложил штык-нож в левую руку, вытер о штанину правую, с которой, казалось, пот уже капает. Снова взял оружие в правую руку. Как бить, чтобы убить его быстро и бесшумно? Ударить в сердце? Нет, можно попасть в ребро. Тем более руки так дрожат, что промахнуться шансов больше, чем попасть куда надо. Это в книгах легко читать, что герой пронзил сердце противника – форумы,

на которых обсуждали подобные вопросы, говорят совсем другое. Читал где-то, что сердце – не самая удачная цель для удара. Это для профессионалов, а не для меня. Время, время... С каждой секундой, пока я здесь торможу, что-то может пойти не так. Перерезать горло? Это надо завести правую руку далеко влево, чтобы потом рвануть штык-нож вправо... Нет, не так. Лучше ударить в горло сбоку. Я бью правой рукой, значит, удар получится по его левой стороне горла. Вроде бы там сонная артерия?

Решившись, но ни в чем не уверенный, я подошел к полицая вплотную и занес штык-нож... Стоп! Надо сначала левой рукой зафиксировать ему голову! И зажать рот. А то мало ли дернется – и я промахнусь. Или не умрет сразу да кричать начнет. Кстати, а удар в горло сразу убивает? Вроде человек, если перерезать артерию, умирает только через несколько секунд. А секунды – это непозволительно долго. Достаточно и одной, чтобы поднять тревогу. Ладно, будь что будет – дальше тянуть нельзя. Я резко прижал предплечьем голову спящего часового к стене сарая, стараясь попасть рукавом ему в рот, и резко ударил штык-ножом в шею сбоку. Полицай замычал (мое предплечье все же перекрыло ему рот) и задергался – пришлось навалиться на него всем телом. Рука, которой бил, тут же стала мокрой, по ней потекло что-то теплое... Я рванул штык-нож из шеи часового. В лицо мне ударила горячая, пахнувшая железом струя. Мычание тут же перешло в хрип. А я все бил и бил штык-ножом по дергающемуся подо мной телу, нанося удары в левый бок своей жертвы. Пару раз попал по ребрам, но чаще лезвие штык-ножа входило в плоть по самую рукоятку. Не знаю, сколько это продолжалось. Внезапно я осознал, что тело подо мной уже давно не шевелится, а я все продолжаю бить. Я осторожно отодвинулся и убрал руку с лица своей жертвы. Мертв. Попытался вытереть кровь с лица, но ничего не получилось – на руках крови было не меньше. Да-а-а... Далеко мне до тех ребят из группы Бредуна, которые снимали немцев ножом с одного удара. А о метании ножа – так вообще лучше не думать!

Я прислушался – вроде бы ничего не изменилось. В доме все так же шумно, смеются и что-то говорят. Поднялся и махнул рукой Яну. Тот вышел из леса, но, не дойдя до меня несколько шагов, остановился, будто налетел на стену и перекрестился. Это он чего? Я оглянулся по сторонам, а потом понял – я же весь в крови! Хороша картинка – ночь, луна изредка выглядывает в просветы меж облаками, и я... Лицо, грудь и руки в крови, в правой руке сжимаю окровавленный нож... Встретишь такого – поневоле штаны намочишь, а то и чего похуже случится!

– Чего встал? – прошептал я, подходя к Яну и забирая у него свою «светку». – Иди к тому окну, которое Славко стережет. Как только мы начнем – стреляй через окно по всем, кого увидишь. Только пацана предупреди, чтобы тебя не пристрелил случайно.

Ян, все оглядываясь, быстро побежал в свою сторону, а я, отойдя в лес, – в другую. Быстро, уже не особо скрываясь, поспешил к тому месту, где оставил Антона.

– Не пугайся, это я, – прошептал, припомнив реакцию Яна на мой внешний вид.

Антон глянул на меня, но никак не выразил своих чувств, которые, как я ожидал, возникнут при виде окровавленного командира. Видимо, он уже всякого навиделся...

– Идем к дому, – продолжил я, когда подполз вплотную. – По моему знаку открываешь дверь и начинаешь стрелять. Я буду стрелять через окно.

– Может, гранату лучше? – спросил Антон.

– Давай сначала гранатой, – согласился я. Странно, что этот вариант не пришел мне самому в голову. Ведь еще из «Контр-Страйка» и подобных игр усвоил – граната в комнату, а потом уже, стреляя, ворваться самому! Блин, голова дырявая совсем стала...

Но на этот раз все пошло не так гладко. Мы подобрались к двери, и Антон занял свою позицию, а я только двинулся занять свою – под окном, как дверь снова открылась. В дверном проеме стоял тот же полицай, который выходил в прошлый раз. Что же он так часто во двор выходит? Но думать было некогда. Луч света из открытой двери сразу же выхватил меня из

темноты, и нас спасло только то, что полицей, увидев меня, опешил. Вот представьте себе: вы после энной дозы алкоголя выходите ночью во двор и первое же, что видите – вооруженный мужик, покрытый с ног до головы еще не подсохшей кровью... Полицей дико завопил и начал пятиться, но тут же споткнулся о порог, сел в дверях и замолк, будто потерял дар речи.

– Гранату! – Мой крик прогремел во внезапно наступившей тишине не хуже того памятного взрыва на мосту.

Я выстрелил в сидящего в дверях полицей и, отметив, что моя пуля, да еще несколько пуль короткой очереди из пулемета Антона, которую он выпустил одновременно с моим выстрелом, бросили того на спину, метнулся к окну. Антон достал гранату как раз в тот момент, когда я подбежал к стене дома. Изнутри раздался выстрел, второй... Зазвенели над головой, разлетаясь осколками, стекла.

– Какого хера ты там копаешься? – Я присел под окном и повернулся к Антону. Тот как раз бросал в дверь РГД-33.

Грохнул взрыв, выбив остатки стекол, и выстрелы прекратились. Я вскочил и принялся сквозь окно разряжать винтовку в затянутое дымом помещение. Краем глаза заметил, что кто-то стреляет сквозь второе окно. Ян! А я, признаться, совсем забыл про него, когда в дверях появился полицей. Не подумал, что Ян может начать стрелять после моего первого выстрела и попасть под осколки гранаты Антона... Ладно, главное, что с ним все в порядке. Я продолжал стрелять, пока не раздался сухой щелчок бойка. Антон длинными очередями бил сквозь дверной проем из своего «дегтяря». Я бросил винтовку на землю – некогда перезаряжать! – и выхватил «парабеллум». Восемь выстрелов, и снова закончились патроны. Быстро перезарядил... Но все уже кончилось. Насколько я видел через свое окно, живых в домике больше не осталось.

– Ян, ты как? – крикнул я, не отводя взгляда от лежащих вповалку трупов.

– Живой! – раздался голос Яна.

– Антон, давай внутрь.

Антон поднялся и, осторожно водя стволом пулемета из стороны в сторону, вошел в дом. Он обошел комнату, осмотрел лежащих в разных позах полицей и, закинув пулемет на плечо, повернулся ко мне:

– Все мертвы.

Я, засунув пистолет за пояс, переступил через лежащее в дверях тело и тоже зашел в дом. Вблизи картина побоища еще больше впечатляла. Вот лежит со вспоротым пулеметной очередью животом какой-то юнец, одетый в обычную сельскую одежду... Он лежит на боку, прижав руки к животу, а из-под его тела расползается лужа крови. Рядом с ним, прислонившись к стене, сидит другой полицей – то ли пулей, то ли осколками гранаты ему снесло половину черепа... Остальные тела лежали в не менее живописных позах. И приправой ко всей этой картине служил уже начавший рассеиваться, но все еще густой пороховой дым, в который вплетался запах крови и вонь внутренностей.

В дом вошли Ян со Славко. Весь лоб Яна был перепачкан кровью, которую тот время от времени вытирал рукавом.

– Окно разлетелось... – пояснил он в ответ на мой взгляд.

– Быстро собираем оружие и патроны, – сказал я и, подумав, добавил: – Прихватите документы, если найдете, еду... Короче, все, что может пригодиться. Антон, пойдем проверим тот сарайчик. Интересно, что они там охраняли.

Ян и Славко занялись сбором трофеев, а мы с Антоном вышли из дома и пошли к сараю. Увидев исколотое тело зарезанного мной охранника, Антон явно оценил количество ран на нем и, взглянув на меня, только покачал головой. Я тоже промолчал. Что здесь сказать – ну не специалист я по работе с ножом! Вот если б взорвать что... Сарайчик, как я уже говорил, был небольшим. Больше всего он походил на место, где рачительный хозяин хранит садовый инвен-

тарь и прочую полезную в хозяйстве мелочь. Вот только зачем оставлять часового? Охранять лопаты с граблями? Дверь сарайчика была закрыта на внушительный висячий замок, который я сначала осмотрел, потом подергал... Возвращаться и поискать ключ? Или, может, ключ у того охранника, которого я зарезал? Ломик бы... Пока я думал, Антон, которому, наверное, надоело ждать, аккуратно отстранил меня в сторону и ловко сбил замок прикладом своего пулемета. Я только крикнул от неожиданности. Вот тебе и ломик!

Не успел еще замок упасть на землю, как я уловил в сарайчике слабый, еле слышный шорох. Похоже, мне не показалось – тот же звук услышал и Антон. Мы одновременно, не сговариваясь, отпрыгнули на шаг назад и вскинули оружие.

– А ну, выходи! – крикнул Антон.

Снова шорох, но никакой другой реакции на слова моего товарища не последовало. Крысы там, что ли?

– Антон, – как можно громче, больше для того, кто мог прятаться в сарае, чем для Антона, сказал я, – если что – изрешетишь сарай из своего пулемета.

Я осторожно подошел к двери, чуть приоткрыл ее и, отступив и просунув ногу в открывшуюся щель, резко распахнул. Снова отскочил в сторону. Ничего не видно. В сарае явно что-то или кто-то есть, но фонарь мы с собой не взяли, а лунный свет внутрь не проникал. Что делать? Залезть в сарай? А если там все же кто-то есть и, судя по тому, что он прячется, этот кто-то явно недружелюбен? Или вначале выстрелить несколько раз, а потом уже заходить? Стоп! Стрелять нельзя. Если полиция кого-то засунули и держали под охраной в этом сарае, то вряд ли он им друг. А враг моего врага... Хотя они могли ведь и своего за какую-то провинность закрыть на импровизированной гауптвахте. Или не могли?

– Считаю до трех и открываю огонь! – как можно более грозным тоном предупредил я и принялся считать: – Раз! Два!..

Снова зашуршало, на этот раз – громче.

– Не стреляйте! – донесся из темноты слабый, дрожащий голос.

В дверях появилась сгорбленная человеческая фигура. За ней – вторая, третья... Вскоре перед нами стояли четверо мужчин. Насколько я мог видеть – все разного возраста. Старшему, на взгляд, уже перевалило за сорок, а младшему было не многим больше двадцати. Стояли на ногах они очень нетвердо – все покачивались, а крайнего справа вообще поддерживал за плечо сосед. Запах, исходящий от них, я лучше описывать не буду.

– Вы кто такие? – Я опустил винтовку. Чем эти бедолаги могут мне угрожать, если сами еле на ногах держатся?

– С окрестных сел нас согнали, – ответил стоящий посередине – это его голос я слышал, когда пригрозил, что буду стрелять. – Заставили здесь работать...

– Ладно, – перебил его я. – Мы сейчас здесь заканчиваем. Пойдете с нами и потом все расскажете.

– Командир, мы уже все собрали! – послышался с обратной стороны дома голос Яна.

– Сейчас приду! – ответил я.

* * *

Внутри дома ничего не изменилось. Ну, почти ничего. Трупы, которые Ян и Славко тщательно обыскали, все так же лежали в различных, правда – уже иных, чем я помнил, позах. Все та же вонь, в которой запах пороха чувствовался уже гораздо слабее. Все те же лужи крови... Островком порядка среди всего этого хаоса выделялись только трофеи, аккуратно сложенные в кучку. Что тут у нас? Оружия мы собрали, если считать карабин охранявшего сарай полиция, – всего девять стволов. Два обреза и семь карабинов, один из которых, видимо принадлежавший немцу, был «маузером», аккуратно рядом лежали на чистом участке пола. По соседству,

на расстеленном мешке, высилась внушительная горка патронов – не меньше двух сотен – и снятые с немца подсумки. Мое внимание привлекли три раздутых сидора и не менее набитый немецкий ранец. Это что ж туда Ян и Славко напаковали? Я нагнулся, чтобы развязать мешок, но тут один из освобожденных нами работников сделал шаг вперед.

– Ян, ты, шо ли?

– Генрих? – Ян присмотрелся к нему и хлопнул себя по бокам. – Точно, Генрих!

– Немец? – Антон тут же вскинул пулемет, но Ян отвел рукой ствол в сторону.

– Еврей. – Генрих поднял руки и отступил на несколько шагов. – Мы здесь все евреи...

– Антон, отставить! – скомандовал я. – Потом разберемся, а сейчас надо уходить.

Антон, скорчив недовольную мину, отступил в угол и принялся подозрительно наблюдать за Генрихом с товарищами. Я снова повернулся к заинтересовавшему меня сидору.

– Там хлеб, сало, консервы... – пояснил Ян и показал на остальные мешки и ранец. – В тех тоже. Едою, гады, запаслись хорошо. А еще тут такое нашли...

Ян достал из кармана небольшой сверток и, развернув ткань, положил на стол. В неярком свете заблестели часы, десяток колец, серьги и... золотые коронки.

– Это откуда? – спросил я.

– У шуцманов в карманах нашел, – пояснил Ян.

Я стоял и рассматривал блестящие на столе драгоценности. Явно ведь все это не принадлежало полицаям. Отобрали у кого-то, сволочи! Или с трупов сняли – что не лучше. Я взял одно из колец, повертел в пальцах и положил обратно. И что с этим делать? Часы и драгоценности, конечно, всегда пригодятся. А вот коронки... Я аккуратно собрал коронки и, взвесив их в руке, бросил в лужу крови под ногами.

– Это мы брать не будем, а остальное – пригодится. Собираем все и выходим. Пора заканчивать – и так уже задержались.

Кое-как навьючив на Славка, Антона и четверых освобожденных трофеи, мы вышли из дома.

– Антон, Славко, идете с остальными в лес и ждете нас с Яном. – Посмотрев вслед удаляющимся фигурам товарищей, я повернулся к дому. – Ян, я подожгу дом, а ты займись всем остальным.

Поджечь дом оказалось совсем не просто. Тем более опыта у меня в этих делах еще не было. Вот если б взорвать... Но нечем. Кстати, надо будет как можно скорее где-то раздобыть взрывчатку. Ладно, это потом. Сейчас – дом. Я снова осмотрел комнату. Что ж тут поджечь? Хоть бы бензин какой-то найти... Взгляд упал на висящую на вбитом в потолок крюке керосинку. Хм... Если есть керосиновая лампа – должен быть где-то и керосин. Пошарив по углам, я так ничего и не нашел.

– Ян! – Я высунулся в дверь. – Ты керосин здесь не видел?

– Был керосин, – ответил тот откуда-то. – Я его в один из мешков положил.

Блин, а мешок сейчас в лесу. У ожидающих нас товарищей. Не бежать же за ним! Ладно, обойдемся тем, что есть. Со двора раздалось молодецкое уханье и громкий звон металла о металл. Что-то Ян там крушит... Я собрал все тряпки, которые смог найти в доме, и разбросал их по полу, стараясь, чтобы они не ложились в лужи крови. Затем снял с крюка лампу и, размахнувшись, бросил ее на пол среди тряпок. С жалобным звоном разлетелся мелкими осколками колпак, отскочила в сторону металлическая крышка... Керосин огненной змейкой вытек на тряпки, и вскоре приличный кусок пола весело полыхал. Будем надеяться, что этого хватит.

Я вышел из горящего дома. Оказалось, Ян тоже справился со своей задачей – навес над оборудованием уже занялся. А вот и он сам.

– Что это ты тащишь? – поинтересовался я у Яна, который успел еще что-то найти.

Вместо ответа, тот вывалил передо мной на землю кучу разного инструмента. Топоры, пара лопат, пилы, мотки веревки... Хозяйственный у меня товарищ, однако. А как смотрит на отблески пламени, играющие в окна домика, прямо читается в его взгляде скорбь о пропадающем добре!

– И зачем нам все это? – поинтересовался я. – И так нагроузились трофеями. Лопаты-то зачем?

– Та может сгодиться, – ответил Ян, снова собирая инструменты. – Жалко оставлять. – Он бросил быстрый взгляд на дом, который уже успел хорошо заняться, и тяжело вздохнул: – Жалко...

Я почесал затылок. В принципе, он прав, что касается инструментов. Нам же еще лагерь надо будет построить. Может, землянки выкопать... Мы ведь их штыками копать не станем! Вот лопаты и пригодятся. Да и остальному применение найдется.

– Ладно. – Я отобрал у Яна половину груза. – Пошли к остальным.

Рассвет мы встречали уже в большом лесу, до которого добрались без приключений. Страх погони придавал нам сил, и шесть километров по полям мы преодолели на одном дыхании. Даже Генрих со своими изможденными товарищами не отставал. Впрочем, опасения оказались напрасными. Если кто-то и поспешил на устроенный нами пожар, то мы успели проскочить раньше. Погони тоже не было ни видно, ни слышно. Повезло или хваленый немецкий «орднунг» оказался все же слишком переоценен в мое время? А может быть, вблизи не было немецких частей – одни полицаи? В любом случае дареному коню в зубы не смотрят. Ушли тихо – и хорошо.

– Генрих, отойдем, – сказал я, когда мы решили, что ушли уже достаточно далеко.

Мы отошли в сторону, я устало присел под деревом и вытянул гудящие ноги.

– Рассказывай давай, как это вас в тот сарай занесло?

Генрих оглянулся на своих товарищей по несчастью, потом бросил опасливый взгляд на подошедшего Антона, который так и не сводил с него глаз, посмотрел на Яна и только тогда начал свой рассказ:

– Мы, пан офицер...

– Товарищ командир, – машинально поправил я.

– Так, товарищ командир, извиняйте, – тут же согласился Генрих. – Меня зовут Генрих Цупик. Я учитель из Гоши. Когда мост взорвали, фашисты приказ выдали – увеличить поставку дерева с окрестных лесопилок. А там – где по двое-трое рабочих было, а где вообще никто не работал. Наш староста и придумал евреев по селу собрать и на лесопилках работать заставить. Говорил, шо все равно нас фашисты постреляют...

– Суки! – зло сплюнул Антон, присаживаясь рядом. – Бить этих немцев надо так, чтоб род их весь под корень...

– Антон! – Я смотрел на него, пока он не опустил глаза и не отвернулся.

– Зачем же всех, пан... товарищ? – отозвался Генрих. – Нацистов бить надо. А немцев за что? Не все же немцы – нацисты. Я тоже немец...

– Как так? – снова насторожился Антон. – Ты же говорил...

– Ну да, – согласился Генрих, – я – еврей. Но родился и вырос в Дрездене. Это на востоке Германии. А потом, в тридцать шестом году, когда жить там совсем невозможно стало, переехал в Прагу. Когда и туда нацисты пришли – снова перебрался. Сначала в Варшаву, а оттуда – в Ровно. А с тридцать девятого года в Гоше живу...

– Значит, немецкий знаешь? – оживился я.

– Так, па... товарищ, – кивнул Генрих, – знаю. А еще знаю чешский, польский, украинский и русский языки.

– Чем ты занимался до войны? И почему из Ровно в Гошу перебрался?

– Магазин у меня был. Торговал всякой хозяйственной мелочью. И в Дрездене, и в Праге, и в Варшаве, и в Ровно магазин держал. А потом, когда Советы пришли... – На этих словах Генрих как-то опасливо на меня глянул и втянул голову в плечи. – В общем, ваши ж не приветствовали коммерцию. И дом у меня забрали. Пришлось в Гощу переселиться. А куда еще идти было? Вся Европа под нацистами... А там в школу учителем устроился. Так и жил, пока и сюда они не добрались.

– А почему на восток, за нашими, не ушел?

– Не успел, – снова понурился Генрих. – Все не верил, шо гитлеровцев аж сюда пустят. А потом уже поздно было...

– Хорошо. Продолжай.

– А шо продолжать? Собрали они евреев в Гоще и по окрестным селам и заставили работать.

– Почему вас мало так? – спросил я. – Всего четыре человека на лесопилку? Или евреев больше не набралось?

– Как не набралось? Кто годный для такой работы был – больше десятка набрали. Только не одна ж эта лесопилка в округе. Вот и раскидали нас. Мы ж вместо тягловой скотины на той лесопилке были. Нам даже топоры не доверили. Лес валили мужики с хуторов – не знаю, вольные или их тоже заставили, потом мы вчетвером бревна тащили к лесопилке, а тут уже другие с ними работали. А на ночь нас в сарае запирали...

– Понятно. Ян, иди сюда! – Когда Ян подошел, я спросил: – Что про Генриха рассказать можешь?

– Та Генриха я уже давно знаю, – сразу ответил Ян. – Он через улицу от меня жил. Правду говорит – учителем у нас в школе был.

– А об остальных что скажешь? – снова повернулся я к Генриху.

– Филипп Гроссман из Тереньтево. Это тот, который справа сидит, – начал заочно знакомить меня со своими товарищами Генрих. – Он до войны держал скобяную лавку. Алик Мец, который посередине, – из Виткова. У него там шинок был...

– То тот Мец, шо на ярмарку в Ровно горилку продавал за поляков? – вклинился Ян и, дождавшись утвердительного кивка, добавил: – Знаю такого.

– А третий – Семен Зельц. Говорит, со Львова отступал вместе с Советами, да не успел. Прятался на хуторе каком-то, пока его полицейские не нашли.

– Расскажи об этом Зельце подробнее, – попросил я.

– Та я его увидел, только когда нас в Гоще согнали всех. А так... Работал, как и все. И били его, как всех. Говорил еще, жену у него бомбой во Львове убило.

Итак, что мы имеем? Есть Генрих, уроженец Германии, за которого мог поручиться Ян. Если он согласится присоединиться к отряду – его знание языков открывает новые, интересные перспективы. Еще двоих Генрих знал до войны. Плюс одного из них знает Ян. Остаются вопросы только к третьему. Могли ли его подослать? А зачем? Следить за тремя забитыми евреями, которые таскают бревна на лесопилку? Вряд ли кто-то мог предполагать, что их освободят. Враг здесь еще непуганый и о партизанской угрозе только начинает подозревать. То, что троим из четверых можно доверять, – это факт. К немцам они не пойдут в любом случае. В первую очередь – из-за национальности. Они же прекрасно знают, как фашисты обходятся с евреями. Так что если присоединятся к нам, то воевать будут хорошо. А люди мне сейчас нужны. Очень нужны! Но Зельц этот... Отпустить его на все четыре стороны? Мне сейчас каждый человек дорог, и отказываться от потенциально хорошего бойца – глупо. Взять в отряд? А если провокатор?

Я отправил Генриха к остальным.

– Ян, что насчет четвертого думаешь? Который Зельц.

– А шо с ним? – не понял тот.

– Думаю предложить им вступить в отряд. Идти этим евреям все равно некуда, а нам бойцы нужны. Генриха ты знаешь. Так?

– Знаю, – подтвердил Ян.

– А он знает еще двоих. За них можно не беспокоиться. А вот четвертый... Никто его не знает. Надо бы проверить как-то.

– А шо проверять? Сними с него штаны и проверь!

– Как это «сними штаны»? – Я во все глаза уставился на Яна. – Что там проверять?

– Так они ж, евреи, обрезанные все!

Я хлопнул себя по лбу. Как можно было не догадаться? Евреям же обрезание делают! Никакой провокатор на такое не пойдет. Точно! Хотя, может ведь быть и выкрест какой-нибудь. По национальности еврей, а по вере – скажем, католик, раз из Львова. Тогда он необрезанный. Ладно, проверим – тогда и думать будем.

– Ну что, товарищи евреи, – приняв решение, я подошел к так и сидевшей четверке освобожденных невольников, – предлагаю вам вступить в наш отряд. Идти вам ведь все равно некуда. А если попадете снова к немцам, то в лучшем случае для вас все закончится в лагере. И то еще неизвестно – лучше ли лагерь, чем расстрел на месте. А здесь я вам обещаю возможность отомстить. И за себя, и за многих других. Что скажете?

– Я согласен. – Генрих встал и ответил, даже не раздумывая. Остальные же стали переглядываться, и этот безмолвный разговор затянулся секунд на десять.

– Я тоже согласен, пан командир, – вторым подал голос Алик.

– И я, – чуть погодя согласился и Филипп.

Дольше всех думал Семен Зельц. Он то обводил придирчивым взглядом наш отряд, то смотрел куда-то в землю. Создалось такое впечатление, что Семен где-то в магазине или на базаре выбирает нужный ему товар. Причем выбирает тщательно – взвешивая, обмеривая, чуть ли не обнюхивая. В конце концов, когда мне уже начало надоедать дожидаться его слова, Семен тоже поднялся.

– Согласен, – только и сказал он.

– А раз согласен... – я вытащил на всякий случай пистолет, – то сними-ка штаны.

Семен встрепенулся и отступил на шаг назад. Знаете, я его, честно говоря, очень даже понимаю. Лес, раннее утро... Вдруг вооруженный мужик требует снять штаны. Каково, а? Хотя в этом времени всяких извращенцев вроде бы гораздо меньше, чем в моем, но есть ведь над чем задуматься. Как бы я на его месте отреагировал – не знаю. Семен же принялся затравленно озирается – явно искал пути к побегу. Опешили и все остальные, кроме Яна.

– Понимаешь, Семен, – самым доброжелательным, успокаивающим тоном начал я, – насчет остальных троих у меня никаких подозрений нет. А тебя никто не знает. Ты ведь еврей?

Семен, не обнаружив никакой возможности сбежать – сзади, хоть и сам не понимая, что нашло на командира, ему перекрыл дорогу Антон, – сжался в комок. После моего вопроса он только продолжал стрелять по сторонам глазами. Я, понимая, что творится сейчас у него в голове, не торопил с ответом. В конце концов, Семен кивнул.

– Вот я и хочу убедиться, что ты еврей. Ты уж извини за такой метод. Сам понимаешь... Если это так, то к немцам ты не побежишь – сам слышал, наверное, что они с евреями делают. А если не слышал – Генрих тебе расскажет. Он в Германии, наверное, насмотрелся.

Судя по тому, как заиграли желваки на лице Генриха, он действительно многое повидал. Кое-что слышал, похоже, и Семен, потому что лицо его сразу окаменело. Медленно, дрожащими руками он спустил штаны и выпрямился со всей возможной в такой ситуации гордостью.

– Надевай! – Удовлетворившись результатом такой проверки, я махнул рукой. Семен действительно оказался евреем. Все признаки – налицо. Точнее, на другое место... – Возьмете оружие из того, что мы собрали на лесопилке. Славко, посмотри там в мешках, что у нас из еды есть. До завтра отдыхаем.

* * *

После полудня погода начала портиться и вскоре «обрадовала» нас мелким дождиком. Осень начинает вступать в свои права, подумал я, зябко передернув плечами. Интересно, какое сейчас число? По моим прикидкам, уже десятые числа сентября. Интересно, как там моя карта, которую подправил тогда? Получилось ли хоть что-то изменить? И где сейчас фронт? Если история не изменилась, то вроде бы сейчас наши потихоньку ликвидируют Окунинский плацдарм, а где-то в Берлине немцы принимают решение перебросить часть войск с московского направления на юг – к Киеву. Или это было раньше? Не помню. А если все же Красная армия не допустила выхода немцев на левый берег Днепра? Что там сейчас? Вопросы, вопросы... Постепенно мысли переходят на более близкие лично мне моменты. Как там дела у майора? Смогли ли они взорвать мост? И как там Оля? В принципе, она не должна участвовать в операции, но кто знает... До Сарн еще ж надо дойти. Отмахать больше сотни километров по оккупированной территории тихо, незамеченными. И тоже ведь никак не узнаешь, что с ними! Пусть до Сарн сто пятьдесят километров, а до Киева – все пятьсот будет. Но какие-то сведения получить, что от Сарн, что от Киева – будто они находятся на другом континенте. Блин, я даже не знаю, что с моей группой! Кое-что слышал, конечно, но информация ведь дошла даже не через третьи руки. Выжил ли Митрофаных? Взгляд скользнул по идущему впереди Генриху. Он ведь из Гощи, пришла в голову идея, и забрали его на лесопилку уже после взрыва. Вдруг что-то знает?

– Генрих, ты что-то слышал о партизанах, которые взорвали мост? – Я поравнялся с Генрихом и пошел рядом.

– Говорят, поубивали всех, – ответил он.

Мы прошли десяток шагов молча. Я пытался придумать, как бы сформулировать следующий вопрос. Нет, я, конечно, знал, как его сформулировать, но очень не хотелось слышать самый вероятный ответ.

– Другие говорят, – продолжил вдруг Генрих, – шо наоборот – немцев поубивали и скрылись...

– Ну а ты сам видел что-то?

– Так шо ж я мог видеть? – развел руками Генрих. – То ж ночью было. А наутро никого уже к мосту не пускали.

– Понятно. – Ничего нового Генрих мне не сказал. Жаль...

– То ваши были? – спросил вдруг Генрих.

– Наши, – кивнул я. – Мост я сам взрывал. Перед самым взрывом в воду прыгнул – так и выжил.

Я кратко рассказал Генриху, как мы взрывали мост и как меня потом Антон с Яном выловили из реки. На протяжении всего рассказа Генрих молчал, только изредка кивая в знак того, что слушает.

– Вот видишь, – подытожил Генрих мою историю, когда я закончил рассказывать, – ты же выжил. Значит, кто-то еще мог уцелеть.

Мы еще немного помолчали. Дождь то усиливался, то практически прекращался, превращаясь из капель в мелкую водяную пыль. Я глянул на небо – тучи упорно не желали давать хоть какой-то просвет. Подыскать, что ли, какое-то укрытие? Или уже когда придем на место? Следующую ночь я решил посвятить решению вопроса со взрывчаткой. Лесопилка – это, конечно, хорошо, но и подорвать что-нибудь не помешает, чтоб немцам жизнь малиной не казалась. Поэтому, хорошенько отдохнув, выспавшись, вымывшись в небольшом ручье и спрятав весь лишний груз, мы на следующий день отправились по краю леса к Сенному. Оттуда можно было быстро добраться ночью до минного поля возле Коросятина, о котором нам поведал

отказавшийся присоединиться к отряду Тарас. Напрягало меня единственное: не было никаких инструментов, кроме штык-ножа. Так что если и добудем мины, то разряжать их будет... весьма экстремально. Но что делать...

– Повозка! – идущий впереди Антон резко остановился.

Мы быстро попрятались за деревья и залегли. Я подполз поближе к кромке леса и, раздвинув ветки куста, посмотрел туда, куда перед этим указывал Антон. Менее чем в паре десятков метров от края леса шла небольшая разбитая грунтовка, по которой нам навстречу медленно катилась обычная крестьянская телега. Чтобы поравняться с нами, ей оставалось преодолеть еще метров пятьдесят. Гнедая лошадка с лохматой гривой лениво переступала копытами, время от времени нагибаясь и пощипывая придорожную траву. В телеге сидел какой-то мужичок. О том, что он не спит, свидетельствовало только одно: иногда так же лениво, как шла его лошадь, встряхивал вожжи. Эдакая сельская идиллия – хоть картину рисуй... Если бы еще не дождь. И не ствол винтовки или карабина, выглядывавший из-за плеча возницы. Полицай? А кто еще мог так спокойно, с ленцой, разъезжать здесь, по оккупированной территории, в одиночку и с оружием? Хотя мы же тоже с оружием? Я пригляделся к вознице – шапка-ушанка, из-под которой торчат нечесанные волосы, грубые черты лица, небольшая бородка, грязно-серая матерчатая куртка... Нарукавной повязки вроде бы не видно. О! А он, оказывается, не один! С телеги соскочил второй мужик, лишь немногим отличающийся от возницы. Оружия при нем не наблюдалось. И повязки – тоже. Мужик остановился на обочине и справил нужду, а потом, каким-то подпрыгивающим шагом, догнал телегу и, запрыгнув на нее, снова исчез. Лежит в телеге, значит? Под дождем? Я покачал головой – удовольствие лежать в мокрой телеге, даже на сене, которое тоже должно насквозь промокнуть, как мне кажется, ниже среднего. Остается вопрос: что с ними делать? С одной стороны, лучше всего было бы пропустить этих двоих и не светиться перед предстоящим ночным делом. С другой стороны, их всего двое против нас девятерых. И если это все же вражеские прислужники, можно их хорошо порасспросить. Что делается в округе – знать не помешает. Или все же пропустить? А повозка все ближе. Вот-вот поравняется с нами. Еще каких-то полминуты. Монетку, что ли, кинуть?

– Ян, Антон, зайдите сзади, когда повозка остановится. Остальные лежат здесь и, если что, открывают огонь.

Я положил на землю винтовку, снял с себя все, что могло бы выдать во мне бойца, а не мирного жителя, вытащил пистолет и, держа его так, чтоб не было заметно, шагнул из-под прикрытия деревьев. Возница мгновенно вышел из своего сонного состояния и резко натянул поводья, отчего лошадь запнулась, а потом повернула голову и с укоризной на него глянула. Над бортиком телеги показалась голова пассажира. Я стоял и думал, что сказать. Закурить попросить, что ли? Или спросить, как пройти в Сенное? Нет, ставить незнакомцев в известность о нашей цели не следует. Пока я размышлял, возница первым подал голос.

– Ты еще кто таков будешь? – Одновременно с этими словами над бортиком телеги показался дрожащий винтовочный ствол. Возница тоже потянулся к оружию, но быстро снять с плеча его не получилось – винтовка висела не на плече, а за спиной.

– Мужики, перекусить есть что-нибудь? – ляпнул я первое, что пришло в голову, и мысленно сам себя стукнул по лбу за смороженную глупость.

– Отвечай, кто таков, а то пулю щас перекусишь! – дрожащим, не менее чем ствол в его руках, голосом отозвался сидевший в телеге. Перепил он, что ли? Вон как винтовка в руках пляшет! Или боится?

– Да заблудился я! – На ходу придумывая легенду, я краем глаза наблюдал, как из леса осторожно выходят Антон и Ян, держа на прицеле парочку в телеге. Те пока ничего не замечали – все их внимание было приковано к моей скромной персоне. – Второй день уже по этому лесу хожу. Со вчера не ел ничего! Только сюда к дороге вышел, гляжу – вы едете...

– А в лесу ты шо делаешь? – продолжил допрос возница, наконец-то начав справляться с оружием, которое никак не желало покидать его спину.

– Гуляю. А вы кто такие? Куда и откуда едете?

– Ты мне поспрошай тут! – нехорошо прищурился возница и визгливо крикнул: – А ну, ходь сюды!

– Ну, мужики... – Антон и Ян уже заняли свои позиции. – Я же по-хорошему!

– А по-плохому – это как? – хохотнул лежащий в телеге и тут же скривился, будто от головной боли.

– Так вот они, – я кивнул на стоящих за телегой бойцов, – по-разному могут. Но вам не понравится – факт!

Оба, и возница, и пассажир, будто по команде повернули голову назад и тут же увидели два смотрящих на них зрачка стволов. Причем одни из этих стволов – пулеметный. Возница аж подпрыгнул от неожиданности. А я, воспользовавшись минутным замешательством, поднял руку и нацелил на него свой «парабеллум». Когда тот снова повернулся ко мне и увидел пистолет, подпрыгнул снова – на этот раз, мне показалось, даже выше. Глаза у обоих, по крайней мере у возницы – я точно уверен, округлились до такой степени, что я еле подавил смех.

– Оружие на землю! – скомандовал я. – И слезайте с телеги.

Через секунду, перелетев через борт, шмякнулась на землю первая винтовка. Возница, справившийся наконец со своим оружием, тоже бросил его на землю. Вскоре оба мужика стояли у телеги, а я махнул остальным своим товарищам, чтобы выходили из леса. Пассажир, увидев еще шестерых вооруженных людей, очень-очень горестно вздохнул.

– Так кто вы? Откуда и куда едете? – повторил я свой вопрос.

– С Сенного едем, – хмуро ответил возница. – До Коросятина.

Я отметил про себя, что он так и не назвался. Ладно, сделаю вид, что не заметил. Успею еще спросить.

– А что вам там, в Коросятине, надо?

– Дела там у нас, – так же кратко и неохотно ответил второй мужик.

– А оружие вам зачем?

– Так мало ли кто на дороге... Бандитов тут по лесам... – Он замаялся, видимо осознав, что говорит с теми самыми «бандитами», и замолк.

– Генрих, обыщи их! – Не хотят говорить сами – может, их карманы скажут больше. А потом уже и продолжим разговор.

Генрих, не отводя глаз от лица возницы, подошел и принялся проверять карманы. Мужики напряглись, но никто даже не дернулся. Ну да, под прицелом восьми стволов особо не подергаешься! Должен вам сказать, проверять чужие карманы получалось у Генриха очень неловко. Интеллигент, одним словом... Навыков обыска, присущих доблестным правоохранителям и их антагонистам, ему явно не хватало. Но, несмотря на свою неловкость, он довольно быстро справился и вскоре протянул мне все найденное при наших задержанных. Пара узелков с табаком, спички, десятка два патронов... А самое интересное – две белые нарукавные повязки и несколько аккуратно сложенных бумажек. Значит, все-таки полицаи. Видимо, что-то отразилось в моих глазах, потому что один из полицаев дернулся и даже успел сделать шаг в сторону, но был тут же сбит с ног. Второго положили на землю, не дожидаясь действий с его стороны. Работали мои ребята, прямо скажу, не стесняясь и не сдерживаясь. Особенно освобожденные на лесопилке евреи. Зельц вообще не удовлетворился только тем, что обездвигил пленных, – он еще хорошенько саданул пару раз одному из них ногой по ребрам и продолжал бы дальше, если бы я его не одернул.

– Что с ними делать? – спросил Антон, хотя по его глазам было видно, что в ответе он не сомневается.

Я посмотрел на полицаев, потом на своих бойцов. Генрих, Филипп, Алик и Семен дрожали от злости. Вот и еще одна проверка, которую выдержал Зельц, подумал я. Хотя и мелочь, но отношение к полициям у него совсем не теплое. Кстати, новичкам переодеться бы... Вон, совсем в лохмотьях. Полицаев, конечно, в расход. А одежду пусть возьмут те, кому она подойдет. Но сначала надо этих полицаев расспросить – за этим же и останавливали.

– Пспрашиваем немного, – ответил я, – а потом посмотрим.

Я подошел и присел рядом с лежащими полициями. Тот, который лежал в телеге, смотрел на меня безразличными глазами. От него сильно несло перегаром – точно бухал вчера. Потому и винтовка в руках так дрожала. Зато второй, который сидел на козлах, злобно зыркал то на меня, то на остальных.

– Ничего вам не скажу! – прошипел он.

– Скажешь, – со всей возможной уверенностью возразил я, взял его за волосы и поднял голову так, чтобы полицай видел Генриха, Филиппа, Алика и Семена. – Видишь этих четверых? О том, что прошлой ночью лесопилку сожгли, слышал? Так вот их мы из сарая на той лесопилке, где над ними ваши товарищи издевались, вытащили. Как думаешь, что они с вами сделают?

Полицай промолчал. Зато другой тут же принялся умолять не отдавать его Генриху с компанией и обещал рассказать все, что знает. Дальше разговор пошел как по рельсам. Мы узнали, что они выехали в Коросятин для участия в поисках бандитов, которые сожгли лесопилку, а в Сенном остались только староста и еще два полица. В Коросятине силами полиции собирался отряд для прочесывания окрестных лесов. Правда, направление и глубину прочесывания наши пленные не знали – точную задачу им должны были поставить на месте. На хуторах севернее Сенного ни немцев, ни полицаев не было, а восточнее – в Пустомолах, – было полтора десятка. Зато в Тучине обосновалась целая рота немцев, которую разместили там после того, как сторел мост через Горынь. Вот это уже очень приятная новость. Я расспросил о поджоге моста поподробнее – тем, кто организовал диверсию, удалось скрыться. Значит, Селиванов и еще трое бойцов живы! Настроение тут же поднялось. Я стал спрашивать о мосте возле Дроздова – оказалось, и там все прошло как по маслу. Восемь человек! Восемь человек из нашей старой группы выжили! А если считать нас с Антоном – получается уже десять. Может, и из тех, с кем я взрывал шоссеый мост, кто-то выжил! Только где они все? Пошли догонять отряд или, как мы, где-то здесь по лесам прячутся? Ладно, живы – и хорошо. Очень хорошо! Положившись на удачу, я задал вопрос о шоссеом мосте возле Гоши. Но, кроме того, что после взрыва моста всю окрестную полицию подняли на уши и заставили прочесать в поисках бандитов чуть ли не каждую щель, я ничего не узнал. Хотя, если немцы так обеспокоились, возможно, кто-то ушел. Столько хороших новостей... Может, не расстреливать их? – думал я после допроса. Но тут же отогнал от себя эту мысль. А что с ними делать? Не отпускать же!

– Раздеть и расстрелять, – приказал я, поднявшись. – Генрих, посмотри, кому из вас подойдет одежда, и пусть те переоденутся.

Оставив приговоренных на попечении остальных, я отошел в сторону и принялся изучать документы. Пропуска... Аусвайсы... Этих полицаев, оказывается, зовут Савелий Дрыгайло и Михаил Зенькин. Большое спасибо немцам за то, что документы были написаны на двух языках. Под каждой надписью на немецком шла дублирующая надпись на русском. Иначе без помощи Генриха я понял бы мало. Еще я обратил внимание, что никаких фотографий на документах не было. Только на аусвайсах было какое-то смешное описание внешности, вроде роста, цвета глаз и прочего. Очень-очень интересно. Фактически эти документы мог использовать любой мало-мальски подходящий под описание внешности в аусвайсе. Да это же просто подарок какой-то! А еще повязки, которых у нас имеется даже с запасом... Обязательно используем!

Сзади раздались два выстрела. Я повернулся и пошел к своим бойцам. Генрих как раз что-то втолковывал Алику, протягивая ему одежду одного из полицейев. Этот дурак что, не хочет надевать вещи полицая? Но моей помощи в убеждении Алика не понадобилось. Тот взял одежду еще до того, как я успел подойти. Поэтому я оставил инцидент без комментариев.

– Затащите этих, – я указал на трупы, – в лес. Вечером наведаемся в Сенное. Думаю, грех упускать такой случай, когда там остались только трое предателей. Телегу берем с собой.

* * *

Село оказалось немаленькое. Полсотни дворов, небольшая деревянная церквушка... Слышится лай собак, а ветер доносит запах дыма и какой-то снеди, готовящейся на ужин. Просто идиллия. Если бы не война. И если бы я наблюдал за всем этим не лежа на мокрой земле в кустах на опушке леса, а, например, выходя из этого леса с ведром свежесобранных грибов. И если бы я не пришел сюда с намерением кое-кого убить. Уже начинало темнеть. Я зябко поежился, стряхивая пробежавших по коже мурашек, и вернулся к наблюдению. Впереди лежал луг, который метрах в трехстах от леса пересекала разбитая колесами и дождями дорога, а за ней уже начинались огороды и первые дома – окраина Сенного.

– Ян, кто здесь староста, знаешь? – спросил я лежащего рядом товарища, который, так же как и я, вглядывался в вечерний сельский пейзаж.

Тот молча покачал головой. Понятно. Значит, разведке придется все выяснять с нуля.

– Ладно. Давай назад.

Мы отползли в лес и, укрывшись за деревьями, поднялись. Остальные ждали нас возле телеги, в сотне метров от того места, с которого мы с Яном наблюдали за селом. Вопросительные взгляды, особенно со стороны новеньких, чуть не прожгли во мне дыру, пока мы приближались к отряду.

– Ну что, командир? – Антон сидел под деревом и, положив на колени пулемет, все не сводил глаз с Генриха. Все еще не доверяет. Прямо гансофобия какая-то... Хотя, если подумать, такой фобией сейчас, наверное, страдает большая часть страны. Но в моем отряде этому явлению делать нечего – надо будет разобраться, и чем скорее – тем лучше.

– Казик, – вместо ответа, я поманил к себе самого молодого бойца отряда, – иди смотри за селом. Когда стемнеет и там все успокоится – скажешь.

Пацан бесшумной тенью исчез в том направлении, откуда мы с Яном только что пришли.

– Село большое, – начал я подводить итоги осмотра. – Сейчас там вроде все спокойно. До крайних домов идти по открытой местности не меньше полукилометра. Где староста – неизвестно. Надо будет это выяснить перед тем, как войдем в село. Предложения есть?

– В окна, может, поглядеть... – неуверенно сказал Филипп.

– Там домов пятьдесят, – покачал я головой. – Всю ночь заглядывать будем. Еще и заметить кто-то может.

– Надо найти самый богатый дом, – выдвинул новое предложение Генрих. – У нас в Гоше старостой как раз самый зажиточный стал.

– Не факт, – отмел я и эту идею. – Нам надо точно знать.

– Надо было тех полицейев спросить! – тихо произнес Антон.

– Надо было, – согласился я. – Только теперь уже поздно. Еще какие соображения?

– Так давайте кого-то из местных спросим, – подал голос Генрих. – Постучим в окно и спросим.

– Не откроют, – возразил Антон.

– И на глаза нам никому попадаться не надо... – задумчиво протянул я. – Хотя... Ян, сколько у нас полицейских повязок?

Мы нагло, в открытую, вошли в Сенное по дороге. Белые повязки чуть ли не светились в темноте на наших рукавах. Шли, не скрываясь, перешучиваясь и громко смеясь. А зачем скрываться шестерым полициям – представителям власти на оккупированной территории? Шестерым – потому что Семен, Филипп и Антон в это время крались огородами, подстраховывая нас на всякий случай. С нами они не смогли пойти по той простой причине, что одежда их, мягко говоря, не соответствовала образу. Антон ходил в пусть потрепанной, но полной форме бойца РККА, и заменить ее было нечем. В принципе, возможно, и были полицаи из согласившихся сотрудничать военнопленных, но я решил все же не рисковать. А кроме того, не знал, насколько вписывается в образ и его вооружение – пулеметов у полицаев я еще не видел. Семен и Филипп тоже не смогли присоединиться к нашему маскараду из-за одежды. Представить себе полиция в таком, как у них, рванье было еще сложнее, чем в красноармейской форме. Самому мне тоже пришлось немного поработать над внешним видом. Сапоги и штаны я решил оставить, но немецкую куртку пришлось засунуть поглубже в приватизированный мной по праву командира немецкий ранец, который я также отдал Антону. Вряд ли немцы делятся со своими прислужниками обмундированием. Нет, насколько я знаю, полициям положена была униформа черного цвета, но это ведь не «фельдграу». Так что такую куртку я мог получить, только сняв ее с трупа. А это – чревато. Кроме куртки, пришлось избавиться также от некоторого другого снаряжения. В общем, шел я, поеживаясь от холода, в одной рубашке.

У крайнего дом я остановился. Вроде подойдет – это и домом назвать сложно. Беднейшая покосившаяся халупа, в которой хороший хозяин и скот держать не станет – здесь уж точно ни староста, ни полицаи жить не станут. Я пинком отворил калитку, чуть не завалив при этом всю секцию забора, и, взяв наперевес винтовку, вошел во двор.

– Открывай! – крикнул я как можно более противным голосом и грохнул прикладом в жалобно заскрипевшую дверь. Тишина...

– Открывай, грю! Полиция! – повторил я, снова ударив в дверь. – А то щас дверь вынесу!

Внутри что-то прошуршало, потом снова тишина. Я принялся лупить ногой в дверь, ругая на чем свет стоит «сволочей, не имеющих никакого уважения к власти». Чувствовал себя при этом полным подонком. Нет, действительно, вооруженный громила, который ломится в дверь к беззащитным крестьянам... Еще большей сволочью я почувствовал себя, когда дверь все же открылась. На пороге стояла древняя бабка. Латаная-перелатаная темная юбка, на плечах – драный мужской пиджак, черный засаленный платок, из-под которого на сморщенном лице испуганно поблескивают маленькие глазки. Блин, нехорошо-то как... Но надо продолжать играть.

– Ты что, старуха, оглохла совсем? Я тут битый час стоять должен? – Внутри все дрожало от желания самому себе дать в морду, но я старался говорить как можно более грубо. – Староста в каком доме живет?

Бабка продолжала испуганно молчать – только хлопала глазами. Может, она действительно глухая? Или я ее так перепугал? Как бы еще с сердцем у нее после моего ночного визита чего не стало...

– То как до церкви дойдешь, – наконец выдавила из себя старушка, – через три хаты старосты дом и будет. За зеленым забором.

– А звать его как?

– Семеном.

Не сказав ни слова – не мог я ничего уже сказать, настолько противно мне все это было, – я развернулся и вышел на улицу к остальным, которые стояли у калитки и поджидали меня. Калитку я аккуратно закрыл – да, не подходит к образу, но после всего заставлять бабушку еще идти закрывать калитку... Повернувшись, я заметил, что остальные смотрят на меня как-то странно. Неодобрительно. Генрих – тот вообще чуть ли не качает головой. И только Ян странно спокоен.

Все так же нагло мы пошли дальше. Оглянувшись, будто ненароком, я заметил, что давешняя старушка все стоит на пороге и смотрит нам вслед. Извини, бабуля, подумал я, но так надо. Мы миновали церковь. Вскоре должен показаться и дом старосты.

– Не стрелять, – прошептал я. – Старосту и полицаев забираем с собой и расстреляем в лесу.

– Это зачем? – так же шепотом спросил Алик, который шел впереди меня.

– Потому что староста и полицаи – представители немецкой власти, и если убьем их здесь, – пояснил я, – жителям села не поздоровится. А если они просто исчезнут – вопросов к людям быть не должно. Еще и многие скажут, что в ночь, когда те исчезли, в село вошел отряд полицаев. Все ясно?

– Получается, – прошептал Антон, – мы еще и на самих полицаев подозрение наведем! Хитро!

Все засмеялись, будто над удачной шуткой. А вот и зеленый забор. Пришли. Домик-то у старосты и впрямь ничего. Можно было и Генриха послушать. Если и не самый богатый, то точно один из первых на селе. Здоровенная такая хата, под крышей резные наличники, аккуратные ставни, дорожка от резной калитки к дому... И забор совсем не похож на тот покосившийся, который окружал дом давешней бабки. Одним словом – богач. Местный олигарх, не иначе. Ничего, родной, жиреть тебе недолго осталось. Я аккуратно, гораздо более почтительно, чем предыдущую, открыл калитку. Хотя очень хотелось, чтоб все было наоборот – это сюда, а не к той несчастной старухе надо вламываться громко и с матом. Мы вошли во двор. Залаял и зазвенел цепью, вылетев из будки, пес.

– А ну цыц, так тебя! – гаркнул я. – Эй, хозяин! Есть кто дома?

Пес все не унимался – все так же бросался, рвя цепь, но для того, чтобы достать нас, та была слишком короткой. В одном из окон появился свет, и через пару минут дверь открылась. На пороге стоял крепкий мужик в добротной белой рубахе, серых штанах и босой.

– Чего надо? – спросил он, нацеливая на нас карабин. Тут же из-за его плеча выглянула дородная женщина. Блин, а об этом я не подумал. Все планы по тихому похищению старосты и полицаев строились на том, что, кроме них, никого по домам не будет. И что теперь делать? Не убивать же бабу! И оставить ее нельзя... Придется что-то придумать.

– Доброй ночи, хозяин! – крикнул я. – Пса своего уברי. Не видишь – свои.

Разглядев повязку, которую я будто случайно выставил напоказ, староста немного опустил карабин, но все же держал наготове.

– Свои по ночам не ходят, – проворчал он. – Вы чего по темноте приперлись? Документы есть?

– А то, думаешь, нам охота в такое время тут ходить, – недовольно парировал я, протягивая старосте один из трофейных аусвайсов, принадлежавший убитому на лесопилке полицая. – Из Коросятина нас прислали. Назавтра хутора досматривать будем. Мы, кстати, когда сюда шли, ваших встретили. Савелия с Михаилом. Так те тоже не особо рады были, что по такой погоде их в Коросятин ехать заставили. Особенно Михаил.

– А чего ж они с вами не пришли? – Староста, прочитав и вернув аусвайс, опустил карабин и пошел успокаивать собаку.

– Так то ж нам приказ был сюда идти. А им – наоборот. В Коросятин идти приказали. А там уже скажут, что делать, – ответил я в спину старосте.

– Ладно, проходите до хаты. Зинка, на стол поесть собери!

Изнутри дом выглядел не хуже, чем снаружи. Просторно, чистенько, аккуратно... Все вылизано-вычищено. В прихожей на деревянной вешалке висит верхняя одежда, у порога ровненько стоит обувь. Половичок на полу... А в углу, на маленькой лавке, сидит девчушка в какой-то хламиде и испуганно на нас смотрит. Маленькая, лет двенадцати. Платице чистое, но определить его изначальные цвет и форму уже невозможно, настолько оно вылинявшее и

залатанное разноцветными лоскутками. И вдобавок ко всему худюшая – просто ужас. Острый нос да непослушная светлая челка из-под серого платка торчат.

– Лялька это, – пояснил вошедший в дом староста. – Сирота местная. Взял ее к себе, чтоб Зинке по хозяйству помогала. Разувайтесь здесь и проходите.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.